

Андрей Плеханов

Сверхдержава

«Автор»

Плеханов А. В.

Сверхдержава / А. В. Плеханов — «Автор»,

ближайшем будущем Россия становится единственной сверхдержавой мира. В России происходит грандиозный экономический подъем, растет производство, российские товары захватывают мировой рынок. Однако за благоденствие заплачено дорогой ценой. Свидетельство тому – загадочные «чумные зоны», в которых содержатся люди, объявленные заразными, не прошедшие обязательную вакцинацию от всевозможных болезней. Почти в самом центре Москвы можно наткнуться на разрушенные кварталы, звероподобных безумцев и мертвецов с отруленными конечностями. «Чума пришла!» – гласит надпись на стене. Что это может значить?

© Плеханов А. В.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	43
ГЛАВА 6	51
ГЛАВА 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Плеханов

Сверхдержава

После всего вышесказанного читатель без труда согласится, что происшествия, имевшие место весной нынешнего года, застали наших граждан врасплох и были, как мы поняли впоследствии, провозвестниками целой череды событий чрезвычайных, рассказ о коих излагается в этой хронике. Некоторым эти факты покажутся вполне правдоподобными, зато другие могут счесть их фантазией автора. Но в конце концов летописец не обязан считаться с подобными противоречиями. Его задача – просто сказать «так было», если он знает, что так оно и было в действительности, если случившееся непосредственно коснулось жизни целого народа и имеются, следовательно, тысячи свидетелей, которые оценят в душе правдивость его рассказа.

Альбер Камю. «Чума»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОВЕРШЕННЫЕ ЛЮДИ

ГЛАВА 1

СВЕРХДЕРЖАВА. 2008 ГОД. ИЮНЬ

МОСКВА ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСТЕЙ

Аэробус транснациональной компании «Аэрофлот» разгружался, освобождал свое серебристое чрево от багажа и пассажиров. Многометровая стеклянная труба эвакуатора была приставлена к его боку, и было видно, как хрупкие фигурки пассажиров медленно проезжают внутри нее, сидя в креслах транспортера. Лайнеры из всех стран мира приземлялись на посадочные полосы и с ревом взмывали в небо. Маленькие частные самолеты и вертолеты сновали в воздухе как разноцветные мухи, управляемые неслышными человеческому уху сигналами системы автоматической посадки.

А здесь, внутри эвакуатора, было тихо, шум реактивных двигателей не проникал сквозь толстое тонированное стекло. Пассажиры притихли, разглядывая жизнь гигантского роботизированного муравейника, именуемого международным аэропортом «Шереметьево-2». Самый большой аэропорт в мире выглядел как порождение инопланетного разума – ни единого человека не было видно на летном поле, только механические существа всевозможных форм двигались по серому матовому покрытию, сверкая никелированными конечностями, шевеля усами черных антенн. Причудливая фантазия выстроила здания терминалов – казалось, что овалы и кривые фиолетовых стен вылеплены из живой субстанции, растущей по собственным законам и не подчиняющейся земной гравитации.

Когда Шрайнер был в последний раз в Москве? Восемь лет назад. Всего восемь лет – и все так изменилось. Было ли фантастическое великолепие аэропорта в достаточной степени функциональным? Возможно, было, но еще в большей степени это предназначалось для услады глаз. Для изумления, для шокирования, для приведения в трепет и восторг людей, прибывающих в столицу самой богатой страны на планете.

Большинство пассажиров видело все это уже не в первый раз. И все же те, кто находился сейчас рядом со Шрайнером, дисциплинированно таращились на невероятную картину, проплывающую внизу. К мочке уха каждого была прилеплена пластиковая клякса коммуникатора и нежный девичий голосок рассказывал о том, какие услуги (бесплатные, черт подери этих русских, бесплатные!) предоставляет аэрокомпания в целом и «Шереметьево» в частности. Голос в наушнике Шрайнера, естественно, мурлыкал на немецком языке. Хотя это было излишеством – Шрайнер знал русский не хуже, чем немецкий.

Рихард Шрайнер не желал сейчас никаких услуг. Ему хотелось поскорее пройти таможенный контроль, сесть в такси, добраться до гостиницы, задернуть шторы, выпить сто граммов чего-нибудь сорокаградусного... И выключить все телевизоры, конечно. Рихарда уже тошнило от сервиса компании «Аэрофлот», наваливающегося на клиентов подобно снежной лавине. Чего стоил только сегодняшний фирменный обед в самолете – изысканное пиршество в лучших традициях русской императорской кухни. Шрайнер икнул. Сегодня он слопал пять дармовых кусков севрюги – драгоценной, янтарной, полупрозрачной. Полкило, наверное, не меньше. Боже, какой изумительный вкус... Но для желудка тяжеловато. Умеренность – вот что не мешает ему здесь, в Москве. Нельзя забывать, что он снова в России – в стране, где могут закопать до смерти.

Необходимость передвигаться на собственных ногах была сведена в Шереметьево до минимума. Широкая лента транспортера внесла новоприбывших в здание, миновала надпись «Российская Таможня» и вдруг непонятным образом разделилась на несколько полос. Теперь Рихард в компании нескольких человек ехал по широкому коридору – голубоватый потолок, неяркое освещение, стена-экран. По стене ползли неоновые буквы объявлений на русском, немецком, английском и прочих языках. «Уважаемые гости России! – значилось там. – Напоминаем Вам, что в нашей стране существует опасность заражения якутской лихорадкой. Настоятельно рекомендуем Вам сделать вакцинацию. В случае, если прививка не будет сделана, административные органы РФ не несут ответственности за Ваше здоровье. Тем, кто сделает вакцинацию, предоставляется карта на льготное медицинское обслуживание в течение одного месяца».

Чертовски привлекательное предложение. Рихард знал, что многие специально ехали в Россию, чтобы сделать эту прививку, а потом еще и полечиться по льготным ценам в шикарных российских клиниках. Это получило название «прививочный туризм». Прививка была бесплатной – от человека требовалось только согласие. Соглашались почти все.

Объяснялось это просто: российская вакцинация начисто избавляла организм от всех вирусных гадостей – от гепатита до СПИДа. Технология такого чуда держалась Россией в секрете – как, впрочем, и все тысячи чудесных технологий, составлявших основу экономического процветания Сверхдержавы. Бесплезно было бить кулаками в грудь, обвинять Россию в жмотстве и призывать ее поделиться вакциной с другими странами, издыхающими от СПИДа. Хочешь сделать прививку – пожалуйста, никто тебе в этом не отказывает. Приезжай в любой из русских городов и делай.

Что такое якутская лихорадка, никто толком не знал. Рихард помнил, что эта страшная болезнь промчалась по России восемь лет назад – в период Большой Смуты. Народ называл эту болезнь коротким простым словом: ЧУМА. Люди заражались и погибали тысячами. Рихард читал об этом в газетах, видел фотографии умирающих – неестественно красные раздутые лица, гноящиеся глаза, лопающаяся кожа на руках... Лично он ни одного заболевшего не видел. Была изобретена вакцина – та самая, уникальное творение биотехнологии. Вспышку инфекции задавили, не дали ей прорваться за пределы Сибири. Все население страны было привито. Прививали и иностранцев. Но Рихард Шрайнер остался непривитым. Он удрал тогда из России в страшной панике. Он почему-то боялся прививок – как бегемот из старого русского мультфильма. Он скорее заболел бы чумой, чем позволил бы ввести в свое тело чужеродный

белок, механизма действия которого не понимал. Шрайнер удрал в Германию и не появлялся в России целых восемь лет.

Рихард вспомнил, как уезжал из этого самого Шереметьева. Разбитые асфальтовые пандусы, сизый сигаретный воздух, поднимающийся к тусклым металлическим кольцам потолка. Жалкие ряды изрезанных дерматиновых кресел, облепленные замерзающими пассажирами. Таксисты, назойливо хватающие за руку. Надкушенные гамбургеры и пластмассовые стаканчики с водкой на грязном столе. Бесконечные шевелящиеся хвосты очередей к стойкам таможенников – длинные для россиян, короткие для иностранцев. Хмурые, затравленные взгляды. Отпечаток застарелой раздраженной бедности... Как все могло измениться так всего за восемь лет?

Не так уж и важно, как. Главное, что изменилось. И теперь Шрайнер прилетел, чтобы взглянуть на все это собственными глазами. Он хотел понять, что все-таки произошло с этой страной.

* * *

В Западной Европе давно не существовало границ как таковых – получив единую визу, можно было проехать без задержек от Чехии до Нидерландов. Россия, как всегда, шла своим собственным путем. Она не желала, чтобы на ее территорию, с таким трудом вычищенную от грязи, занесли какую-нибудь дрянь – например, наркотики или контрабандное оружие. Поэтому «зеленого коридора» в российской таможне не предусматривалось. Несмотря на огромный поток пассажиров, каждый приезжающий подвергался тщательному досмотру и индивидуальному собеседованию. Работа таможни была тщательно продумана и великолепно организована.

– Господин Рихард Шрайнер? – уточнил таможенник, взглядываясь в надпись на универсальной идентификационной карте. – Федеративная Республика Германия? Вы не в первый раз посещаете Россию?

Таможенник говорил на русском языке, но компьютерный переводчик превращал его речь в немецкую. Карканье синтезированного голоса в наушнике раздражало Шрайнера. Он нервно дернул плечом и отлепил синюю нахлобучку от ушной раковины.

– Я много раз был в вашей стране, – сказал он. – Я хорошо говорю на русском языке. Это моя профессия. Пожалуйста, говорите по-русски, я буду все понимать просто великолепно!

Шрайнер улыбнулся – настолько мило, насколько умел. Надеялся, наверно, на ответную улыбку таможенника. И не дождался оной.

В самом деле, почему представитель русской таможни должен улыбаться какому-то там немцу – к тому же маленькому, неказистому и хромому? Только из-за того, что тот знает русский язык? Русский в мире знают многие – так же, как английский десять лет назад.

– Смеею заметить, что я и так говорю по-русски, – холодно сказал таможенник. – Господин Шрайнер, вы везете с собой что-либо запрещенное к ввозу в Российскую Федерацию? Оружие? Наркотики? Алкогольные напитки? Биологические препараты? Телевизионные устройства?

– Нет, нет, ничего такого, – торопливо произнес Шрайнер. – Вы же досматривали мой багаж...

– Вот именно. Досматривал.

Толстые пальцы таможенника, украшенные татуировками в виде перстней, пробежали по клавиатуре, откуда-то сбоку выползла полка, на которой находился распотрошенный чемодан Шрайнера. На самом верху лежала коричневая кожаная папка, застегнутая на молнию.

Таможенник возвышался над маленьким Шрайнером как гора. Круглая голова, стрижка ежиком. Толстые губы, сломанная переносица. Большие грубые руки, испещренные блеклыми рисунками. Эти руки только что копались в чемодане Шрайнера. Руки с татуировкой

– уголовной, без сомнения. Шрайнер хорошо знал русские реалии. Такие татуировки делали в русских тюрьмах десять лет назад. Теперь, конечно, уже не делают. В России все изменилось. Бывший преступник – и вот, пожалуйста, работает служащим государственной таможни. И можно быть уверенным, что он не совершит ничего противозаконного. Все изменилось.

– Это что? – таможенник постучал пальцем по папке.

– Это папка, – заявил Шрайнер. Не любил он дурацких вопросов.

– Это фолдер.

– Я и говорю – папка¹.

– Откройте ее, пожалуйста.

Рихард со вздохом расстегнул молнию. На одной стороне находился плоский цветной экран, на другой – клавиатура. Кожаная папка была фолдером фирмы «SONY» – персональным компьютером, потомком ноутбуков, популярных в конце прошлого века. Только весил этот компьютер не больше ста пятидесяти граммов. А по параметрам самый лучший ноутбук показался бы по сравнению с ним не сложнее карманного калькулятора.

– Ваш фолдер способен работать в режиме телевизионного приемника, не так ли?

– Так. – Шрайнер виновато развел руками. Глупо было бы отрицать. В мире давно не выпускалось персональных компьютеров, не работающих к тому же как телевизор и видеотелефон.

– Ваш фолдер произведен за границей. Он японский. – Таможенник бросил на папку презрительный взгляд, словно перед ним лежал не современный аппарат, а кучка дерьма. – Я думаю, вам известно постановление нашего правительства, запрещающее провозить в Российскую Федерацию телевизионные устройства иностранного производства.

– И что мне делать?

– Его нужно оставить здесь, в специальном сейфе. Поедете обратно – заберете.

– Он нужен мне для работы.

– Нет проблем. Вы получите другой фолдер вместо этого на время проживания в России. Бесплатно. Хороший фолдер. Намного лучше этого вашего японского. Хорошую папку российского производства.

– Нет, вы не понимаете! На моем компьютере содержится информация, без которой я не смогу делать работу! Между прочим, это совершенно конфиденциальная информация! Она защищена паролем, но что такое пароль для российских спецслужб? Вы не можете мне дать гарантию, что все, что там есть, не будет перезаписано...

– Вы не умеете пользоваться папкой, господин Шрайнер? – Таможенник слегка наклонился, заглянул в глаза немцу, очевидно, пытаясь определить – является ли этот скандальный очкарик полным идиотом или только притворяется оным. – Разрешите, я помогу вам.

Он взял папку, дотронулся пальцем до кнопки. Маленький золотистый диск трех сантиметров диаметром выскользнул сбоку, прямо на ладонь таможенника.

В персональных компьютерах всех марок трех последних лет производства использовались только переносные носители памяти. Встроенных дисков больше не было. Таможенник знал это. Он хорошо разобрался в компьютерах, этот бывший уголовник.

– Вот ваша память, герр Шрайнер. Возьмите ее, вряд ли она заинтересует российские спецслужбы. – Таможенник положил диск в пакетик из полупрозрачного металлизированного пластика. – Вы получите новый фолдер в комнате номер пятнадцать. Советую брать «Мурену-231», это лучшая российская модель. Мы получили их только две недели назад, и почти все уже разошлись. Их еще «мухоморами» называют – у них цвет красный с пятнышками. Так и скажете там девушке: «Дайте мне мухомор».

¹ Folder – папка (англ.).

– Не хочу я мухомор! – визгливо заявил немец. – Я плохо привыкаю к новым компьютерам...

– Вставьте ваш диск вот в такую же щель. Сбоку. – Таможенник явно не интересовался желаниями немца. – И можете пользоваться. Думаю, после нашей «Мурены» вам вряд ли захочется снова пользоваться примитивной «Соней». Качество есть качество.

Плевать было Рихарду на эту «Соньку». И на диске, кстати, не было ничего интересного. Просто ему почему-то захотелось вывести из себя этого безупречного исполнителя равнодушных инструкций.

– Мне очень дорога эта папка, – быстро сказал он. – Я с ней всегда. Это мой талисман, понимаете? Видите, вот здесь, на уголке – гравировка. Это подарок от любимой женщины. – Шрайнер тупо ткнул пальцем куда-то. – Хотите, я дам вам деньги? Я дам вам деньги, да. Хорошее награждение. Пятьдесят рублей. Нет, сто рублей. Работник таможни в Германии получает эквивалентную сумму за один месяц.

– Я получаю столько за три дня, – произнес таможенник. Никаких эмоций на его лице так и не отразилось. – Вы что, взятку мне предлагаете?

– Да. – В голосе немца появилась заискивающая надежда.

– Я не беру взяток. – Таможенник развел огромными руками. – Не беру.

– А кто-нибудь здесь берет? В этом аэропорту?

– Никто не берет. Зачем?

Таможенник пожал плечами. Выглядело это так, будто он действительно не понимал, зачем может понадобиться взятка.

– Так что мне делать?

– Ничего. Работайте, отдыхайте в свое удовольствие. А талисман свой заберете, когда будете уезжать. Мне в принципе, не жалко, но не положено...

И посмотрел строго, словно устыдившись собственного излишнего либерализма.

– Скажите, – Рихард доверительно приблизился к уху таможенника. – Какую работу вы имели... скажем, лет десять назад? Вы работали на таможне?

– Нет. – Таможенник извлек карту из проверочного устройства и провел по ней черным прямоугольником сканера. – Тогда я не работал на таможне.

– Вы когда-то сидели в тюрьме, да?

– Да. В тюрьме. – Таможенник протянул паспорт Рихарду. – Разрешение получено. Вы зарегистрированы. Счастливого пути, герр Шрайнер. Вы можете идти.

– Из-за какого преступления вы сидели в тюрьме?

– Убийство, – сказал таможенник. – Это было убийство. Ограбление, рэкет и все прочее. Это было давно, с тех пор все изменилось. Всего хорошего, герр Шрайнер. Вы задерживаете очередь.

– А сейчас вы могли бы убить кого-нибудь?

– Нет.

– Даже если бы вам пришлось защищать себя? Если бы на вас напали?

– Герр Шрайнер! – Таможенник выговаривал слова четко, словно имел дело со слабослышащим. – На вас никто не нападет. У нас уже давно не бывает такого. Никто ни на кого не нападает. Здесь Россия, а не Германия! Вы сами все увидите, герр Шрайнер. Своими глазами.

– А кто же тогда сидит в тюрьме в России? – пробормотал Шрайнер. – Кто-то все равно сидит в ваших тюрьмах. Те люди, кто делал преступления.

– Это чумники. – Таможенник махнул рукой. – Эти, такие... Чумники, короче. Они ненормальные были. Они убить могли, украсть. Но их уже давно нет. Не волнуйтесь, вы их не увидите. Всего хорошего! Ауфидерзейн!

Шрайнер взял свой чемодан, услужливо застегнутый таможенником, и поплелся по коридору к злополучной комнате номер пятнадцать. Он шел и хромал сильнее обычного – одной

рукой опирался на тросточку, другой тащил тяжелый чемодан, забыв об услугах транспортера. Он ожидал, что увидит что-то необычное, но не думал, что это проявится именно в таком виде. Он был крайне озадачен.

– Хочу увидеть чумников, – бормотал он.

* * *

В конструкции здания аэропорта было что-то совсем непривычное. Шрайнер не видел такого ни в одном из портов мира. И только когда транспортер выплюнул его в главный зал, Шрайнер понял, что здесь особенного.

Главный зал был совсем небольшим для такого гигантского аэровокзала, и почти пустым – здесь находилось не больше десятка человек. А основная часть здания состояла из бесчисленных транспортных коридоров, подобных тому, по которому только что проехал сам Шрайнер. Таким образом, пассажиры не собирались стадами – их быстро сортировали, ставили на ленту конвейера и провозили по всем необходимым процедурам без малейшей задержки. После чего они быстро покидали здание аэропорта.

И все же Шрайнер решил сделать маленькую остановку. Он переволновался. Ему нужно было привести себя в порядок – немножко выпить.

У стены стояло несколько столиков, накрытых белоснежными скатертями. Шрайнер доковылял до столика, с облегчением поставил чемодан на пол и плюхнулся на резной деревянный стул. Закурил.

Немедленно появилась официантка, русская красавица средних лет – поддурмяненные щеки, пышные формы, обтянутые по последней моде полупрозрачным кружевным пластакрилом. Некое подобие кокошника на голове – как дань традиционной московской сусальности. Официантка, в отличие от непробиваемого таможенника, одарила Рихарда улыбкой – столь ослепительной, что он едва не свалился со стула.

– Что господин пассажир желает покушать?

– Мне выпить что-нибудь, – сказал Шрайнер, размахивая сигаретой.

– Чай? Кофе? Соки? Квасу?

– Сто граммов водки «Кристалл». Нет, сто пятьдесят. И стакан спрайта.

Рихард Шрайнер хорошо помнил, как делали заказы на выпивку в России десять лет назад. Нужно было непременно сказать, какое количество водки вам налить, и чем вы будете ее запивать. Первую порцию выпиваемой водки, насколько он помнил, не закусывали.

– Извините. – Улыбка женщины стала еще ярче. – Водки у нас нет. Шереметьево не входит в алкогольную зону. Могу порекомендовать вам сбитень, это великолепный напиток. Там много натуральных витаминов, и если вы устали, он очень взбодрит вас...

– Тогда кофе, – удрученно сказал Шрайнер. Не понравилось ему это словосочетание: «алкогольная зона». Новая жизнь, странная терминология... – Двойной кофе, капучино. Сделаете?

– Конечно!

– Сколько это стоит?

– Бесплатно. – Барышня уже переместилась за стойку и готовила кофе – в маленькой турке, безо всяких там аппаратов. – Для пассажиров у нас все бесплатно.

– Для пассажиров «Аэрофлота»?

– Для любых пассажиров.

– А если к вам придет какой-нибудь человек, не являющийся пассажиром? Скажем, бездомный? Вы тоже обслужите его бесплатно?

– Бездомный? – Женщина, кажется, вспоминала, что это за слово такое – «бездомный». – А, в смысле, кому жить негде? У нас таких не бывает.

– Не бывает? – переспросил Рихард. – Что, у всех есть жильё?

– Конечно. Если нет денег на покупку квартиры, то можно получить госжильё – сразу, очереди нет. Вы знаете, в Москве очень много пустых государственных квартир. Все сейчас едут на север. Многие уехали из Москвы. Я их понимаю... Там лучше, конечно, на севере, там интереснее. А человек, знаете ли, стремится туда, где лучше.

Она вздохнула, и сразу стало ясно, что ей надоело в комфортной, но скучноватой Москве, что хочется ей за туманом и за запахом тайги, или, к примеру, лесотундры. Шрайнер уже слышал, что русское правительство проводит спецпрограмму по освоению севера и денег на это не жалеет. Но север сейчас мало интересовал Шрайнера.

– Нет, я говорю о других бездомных, – сказал он настойчиво. – Я говорю о тех, кто принципиально не работает, пьёт водку, морально опустился...

– А, это вы про диких чумников говорите, – облегченно вспомнив, сказала дама. – Нет, дикий чумник сюда, в аэропорт, попасть не может. Да и просто чумник, даже не дикий. Чумники живут в других местах. В специальных местах. Они же заразные.

– В тюрьме?

– Ну что вы? – Тетка укоризненно трянула головой. – В тюрьме сидят преступники! Они, конечно, тоже чумники, но только совсем уж плохие. Дикие. А обычные чумники, ну, знаете, такие, не очень опасные, они живут в обычных поселках. Только специальных. Там у них все есть. Я видела, их по телевизору показывали. Они замечательно живут. Я слышала даже, что некоторых удается вылечить.

– От чего вылечить?

– Как от чего? От этого... От их болезни. От якутской лихорадки. А у вас, что, чумников нету?

– У нас чумников нет, – твердо сказал Шрайнер. – Я из Германии. У нас, например, много больных СПИДОМ – каждый шестой. Это наша большая проблема. А чумников нет.

– Ой, простите! – Буфетчица осеклась. – Я не знала что вы это... такой иностранец. Я думала, вы откуда-нибудь с Украины. Говорят, чума и туда добралась. Вы так хорошо говорите по-русски...

– Кто такие чумники? Почему я никогда не слышал о них в Германии?

– Так вы не знаете про чумников? Ой, тогда я вам не буду рассказывать, – глаза буфетчицы сузились в смущенные щелочки. – Я что-нибудь не то вам наплету. Вы телевизор смотрите, там все расскажут. Надо больше смотреть телевизор, там все рассказывают. Только вчера была передача про этих... про чумников. А я вас только запутаю.

– Хорошо. Спасибо. Так я и сделаю.

Шрайнер получил свой кофе – превосходный, как и следовало ожидать. Сидел, прихлебывал горячий ароматный напиток, и смотрел телевизор. С этим проблем не было: весь шикарный аэропорт был сплошным телевизором. Половина каждой стены беззвучно мерцала огромным экраном, и каждый экран показывал свою собственную программу – российскую, разумеется. Звук можно было включить в наушниках личного коммутатора при помощи обычного универсального пульта, который каждый обладатель «Телероса» всегда имел с собой – на руке, наподобие часов. Шрайнер не стал включать звук. Программы «Телероса» нравились ему, но про чумников сейчас ничего не показывали. Да и сомневался он, что покажут. Врала, наверно, эта краснощекая тетка. Шрайнер имел систему «Телерос» у себя дома, в Германии. И там никогда не говорилось ни о каких чумниках.

Если первые же два человека, встретившиеся ему в России, сами заговорили о загадочных «чумниках», то у него есть неплохой шанс найти кого-нибудь, кто расскажет о них все. Ну да, конечно!

Эта мысль привела Шрайнера в хорошее настроение.

* * *

Шрайнер собирался ловить такси, но оказалось, что не так-то просто вырваться из цепких объятий компании «Аэрофлот». Едва он выволок свой чемодан из здания терминала, как к нему залихватски подрулила тележка на больших колесах с мягкими шинами. На тележке было установлено два кресла, имелась площадка для багажа. И не было никаких признаков того, что управлять данным средством передвижения можно самостоятельно.

– Здравствуйте, господин пассажир, – пропищал синтетический голос тележки. – Сервис аэропорта «Шереметьево-2» к вашим услугам! Располагайтесь в кресле, пожалуйста. Назовите адрес вашего назначения, пожалуйста. Мы доставим вас к соответствующей платформе монорельса.

Шрайнер опешил. Хотел было объяснить тележке, что хочет проехать по городу в такси, и знать не желает никакого монорельса. И вдруг увидел, что вокруг него десятки пассажиров деловито садятся на такие же тележки и уносятся по разноцветным дорожкам куда-то за угол. Подумал, что самостоятельно можно блуждать до бесконечности, разбираясь в квадратных километрах шереметьевских механических джунглей. И даже испытал чувство благодарности, забираясь в удобное черное кресло.

– Гостиница «Ярославская», – сказал он. – Знаешь, где это, глупая тележка?

– Платформа пять, маршрут монорельса номер семьдесят, остановка «Ярославская», – без запинки отбарабанил дребезжащий голос. Тележка помчалась по дорожке, ловко лавируя и избегая столкновения с себе подобными. Шрайнеру стало очень весело. Пожалуй, стоило прилететь в Москву уже для того, чтобы поучаствовать в такой вот детской гонке. Пассажиры вокруг радовались не меньше: смеялись, махали руками, кричали что-то на разных языках – наверное, подгоняли своих механических лошадок.

– Это не Россия, – пробормотал Шрайнер. – Это черт-те-что! Диснейленд какой-то. Он улыбался как ребенок. Ветер трепал его мягкие седеющие волосы.

* * *

Лето. Солнечная погода. Одиннадцать часов утра. Двадцать пять градусов тепла. Пятнадцать метров высоты. Сто семьдесят километров в час. Московская монорельсовая дорога.

Рихард Шрайнер смотрел вниз. Стены вагона монорельса были почти сплошь прозрачными – для лучшего обзора. Состав бесшумно мчался над автострадой кольцевой дороги. Машины внизу сверкали в лучах солнца как россыпь драгоценных камней. Шрайнер не верил своим глазам – по шоссе ехали сплошь эмобили. Никогда он не видел их в таком количестве.

Электрический автомобиль Эмобиль ВАЗ-ЭМ-7012 был дорогим удовольствием. Намного дороже, чем машина с бензиновым двигателем. В последние годы на Западе стало предметом особого престижа выкладывать огромные деньги за российские эмобили и гордиться тем, что не засоряешь окружающую среду, донельзя уже загаженную бензиновым смогом. Правительство Германии даже направило средства для развития программы электромобилизации. И все равно эта роскошь – эмобиль – был не по карману большинству немцев. А надменным русским было плевать на экологические проблемы западного мира. Не хотели они снижать цены на свои технологические чудеса, и все тут. Твердо лелеяли свой внешнеэкономический принцип: хотите – покупайте лучшее, российское, обеспечиваем льготный сервис. Не хотите – пользуйтесь своим, паршивеньким и устарелым. Нет денег? Ваши проблемы.

У русских проблем не было. Российские эмобили покупали во всех странах мира, несмотря на дороговизну. Эмобили практически не требовали ремонта, и их не нужно было заправлять ядовитым бензином, дорожающим с каждым днем.

Шрайнер вглядывался в машины на дороге. Невероятно – почти ни одного бензинового! Что это? Инвестиции московской администрации в программу «Чистый воздух»? Экономическое чудо России, когда любой русский получает достаточно, чтобы купить себе драгоценную электрическую игрушку? Показушное процветание на фоне большой экономики стран Запада? Или все это, вместе взятое?

Монорельс свернул в сторону, несколько сбавил скорость. Шрайнер обратил внимание, что большое количество кварталов снаружи от Кольцевой – нежилые. Их окружали заборы, кое-где работали бульдозеры, ломая и руша стены панельных домов. Шрайнер читал в газетах, что на треть опустевшая Москва наконец-то получила возможность решить проблемы домов-уродцев хрущевской эпохи. Он даже знал, что предполагалось создать на месте снесенных кварталов. Там высадят лес. Никаких новых заводов: запаса старых производственных площадей, осиротевших и заброшенных во времена кризиса и Большой Смуты, России хватит на десятки лет. Производство в стране росло. Россия не публиковала никаких цифр на этот счет – не желала пугать мир темпами своего экономического роста. Российские товары захватывали мировой рынок, давя конкурентов, как тараканов. Русские автомобили, русские самолеты и корабли, русская мода, русская косметика... Все страшно дорогое и великолепное по качеству. Престижное.

Монорельс двигался к центру, и Шрайнер совершенно не узнавал город. Сталинские небоскребы все так же подпирали небо острыми шпилями, и проспекты были так же широки. Но куда делись пошлые кубики коммерческих киосков, лепившиеся друг к другу десять лет назад? Куда исчезли крикливые параллелепипеды рекламных щитов? Дома – что случилось с ними? Они напоминали сказочные сады Семирамиды. Единообразие каменных стен разрезали выступы-террасы, засаженные экзотическими растениями – кустарниками, подстриженными в виде скульптур, причудливо вьющимися лианами и невиданными яркими цветами. Кисть гигантского художника набросала по панораме столицы мазки разного оттенка – зеленые, розовые, голубые – яркие и размытые, сливающиеся в картину, достойную самого изысканного импрессиониста. Чистая синева неба отражалась в воде Москвы-реки. Спокойствие и радость наполняли атмосферу города – помолодевшего, посвежевшего, умытого ночным дождем.

Раньше этот город не был добрым. Никогда не был – насколько помнил его Шрайнер. А теперь Москва стала уютной и доброй. Вот что, пожалуй, изменилось в ней больше всего. Агрессия, присущая любой большой столице, была выметена с улиц.

Шрайнер почувствовал, что напряжение, не оставлявшее его всю последнюю неделю, тает, уступает место созерцательному спокойствию. Россия, из которой он уехал восемь лет назад, была бедной, озлобленной, опасной. Но она была и щедрой, и задумчивой, и душевной, и по-человечески несчастной. Шрайнер любил ту Россию такой, какой она была – не мог не любить. Российская Сверхдержава две тысячи восьмого года была совершенно другой страной. Она еще не завоевала сердца Рихарда, но уже метнула стрелу Амура, поразив его своей красотой – экзотической, и все же гармоничной. Шрайнер чувствовал, что в душе его может найтись место и для этой страны – новой России.

ГЛАВА 2

РОССИЯ. ГОРОД ВЕРХНЕВОЛЖСК. 1999 ГОД

МАЙ. старые друзья

Николай Краев поднимался по лестнице – вспотел с непривычки, но упорно карабкался вверх пролет за пролетом. Человек, к которому шел в гости Краев, проживал на пятом этаже дома сталинской постройки – основательного, кирпичного, с высокими потолками, не сплюснутыми хрущевскими архитекторами-торопыгами. Лифта в таком доме не полагалось – впрочем, физические неудобства ходьбы по лестнице компенсировались эстетическим бонусом, в качестве которого выступала чистота подъезда. Краев давно не видал в жилых домах таких чистых стен – конечно, не мраморных, а всего лишь крашенных масляной краской, но все же не исписанных сверху донизу блудливыми пролетарскими детьми. Он вспомнил подъезд своей стандартной девятиэтажной панельки: ряды искореженных почтовых ящиков в чешуе обуглившейся краски, спички, прилипшие к потолку, свежую кучку кошачьего дерьма у собственной двери, лужу пролитого молока в лифте, скисшую за два дня... Нет уж. Лучше пешком, чем на таком лифте.

Николай Краев спокойно переносил уродство окружающей обстановки. Привык, не обращал внимания – как не замечает работник морга вони трупов. Но порою брезгливость все же появлялась в его душе – все же он имел отношение к искусству. Николай был режиссером телевидения.

Впрочем, в течение последних шести месяцев Николай пребывал в статусе безработного. Нельзя сказать, что произошло это по причине бездарности. Напротив – телевизионщиком Краев был весьма неординарным, говорили о нем в свое время немало, да и сейчас он мог устроиться на работу – хоть куда. Время от времени звонил его телефон, покрытый пылью, и получал он заманчивые предложения – в новые проекты, в художественное обозрение, в рекламу, в предвыборный пиар. В ток-шоу Краева не звали, поскольку он отличался выдающейся молчаливостью и в качестве говорящей головы был совершенно непригоден.

Краев говорил «нет» спокойным, бесцветным голосом и клал трубку. Причин отказа он не объяснял. После этого возвращался на свой диван, закуривал очередную сигарету «Даллас» и открывал очередную книжку, бережно заложенную между страниц кусочком бумажки. Хотя в течение последнего года Краев купил три книжных шкафа, все они уже были забиты под завязку. Книги лежали стопками на столе, на подоконниках и на полу его пустой двухкомнатной квартиры. Закладки торчали из них – белые, пожелтевшие или разноцветные, в зависимости от того, от чего были оторваны. Телевизор Краев не смотрел.

Деньги у Николая еще оставались. За три года выматывающей круглосуточной работы он заработал достаточно, чтобы не думать о хлебе насущном и заниматься только тем, чем хочется. И теперь занимался этим самым – можно сказать, шиковал. Покупал книжки – по чемодану в месяц. Лежал на диване и читал их. Курил «Даллас». Питался два раза в день «кудрявой» вьетнамской лапшой. Выпивал бутылку пива раз в два дня – непременно «Будвайзера» и непременно из холодильника. И не смотрел телевизор. За одно это многое можно было отдать.

Каким образом Илья умудрился позвать его в гости? Краев и сам этого не понимал. Впрочем, что тут удивительного? Неспроста Илья имел прозвище Давила. Он умел добиваться того, чего хотел.

Ф-ф-ф... Притомился Краев. Давно не занимался физической работой – такой, как подъем по лестницам. Степ-класс, аэробическая нагрузка. Спина болит, черт... Ранний остеохондроз. Или уже не ранний? Все-таки под сорок лет. Пора, пора. Самое время приобре-

сти букет заболеваний, приличествующий худосочному интеллигенту, который валяется на диване, курит и ни черта не делает. Только думает.

Дверь – большая, обитая черным дерматином. Квартира номер 69. Поза номер 69. Всегда смеялись над этим эротическим номером, отпускали шуточки по поводу двух головастиков, латунно изогнувшихся на табличке. «Слышишь, Давила, они у тебя каким сексом занимаются? Оральным?» «Фекальным», – отвечал Давила, и рокотал басистым своим смешком. Тогда Илья еще не растерял остатки волос, не был таким круглым, не блестел так лысиной. И, конечно, не был еще таким законченным Давилой, крутым Давилой, каким стал сейчас.

Сколько лет Николай не был здесь? Не так уж и важно. Важно, что раньше он бывал здесь постоянно. Когда был студентом, порою жил здесь неделями – у приятеля своего Илюхи Жукова, который хоть и был тогда уже Давилой, но все же больше еще Илюхой, чем Давилой. У Илюхи были классные родители – постоянно отчаливали на недельку-другую куда-нибудь в социалистическую заграничку. В НРБ, ВНР, ГДР, ДРВ – названия этих стран казались чем-то запретным, выходящим за рамки общепринятой морали, как и любое слово из трех букв. Повезло им попасть даже в Финляндию, а это уже капстрана, как ни крути. Привозили пластинки – нецарапанные, затянутые в целлофан цветные иконы Дип Пёпл и Назарет, роскошный Квин, бесценный двойник «Джизас Крайст – суперстар» – родной, вебберовский. Папа Илюхи, правда, больше любил джаз – даже барабанил, говорят, в юности в каком-то бэнде. Но к рок-пристрастиям сына и его компании относился со снисхождением. Один раз даже соизволил высказать положительное мнение о каком-то гитаристе. «Шуму много создает, – сказал он. – Но техника, в принципе, у него есть». Кажется, это было сказано по поводу Джимми Хендрикса. Или по поводу Ричи Блэкмора? Теперь уж и не упомнишь.

Короче говоря, много было общего у Николая и Илюхи. Не только музыка, конечно. Была и общая идеология – недекларируемая, заключенная в одних только им понятных категориях «отвязности» и «немудизма». Ну и «честности», как они ее тогда понимали. Над этим термином теоретизировали больше всего, но он остался в наибольшей мере абстрактным. Честность в понятии Коли и Илюхи имела мало общего с обычным «невраньем» или «честью». Скорее она была похожа на «полезность для общества». Честность определялась только интуитивно, и в то же время была самым важным, самым базовым атрибутом в их маленьком мире на двоих.

Да, конечно, Илюха был другом. Настоящим другом. Лучшим другом.

Что случилось с ним, с другом Илюхой? Он умер как личность, сохранив свое тело? Превратился в ходячий памятник самому себе, бывшему?

Да нет. Ведь и Николай тоже изменился, а ведь не умер же. Просто они трансформировались, повзрослели. Дороги их разошлись. Они стали совсем разными – запутавшийся в себе, уставший от чужой лжи, прячущийся от света Николай, и Давила – сам определяющий правила поведения, прокладывающий мощными плечами широкую просеку в любом лесу, в который бы ни попал.

А прошлое, конечно, осталось, не могло не остаться. Даже не в виде осадка на доньшке души. Прошлое – это субстрат. То твердое, на что можно опереться ногами, чтобы не утонуть. И это прошлое – общее у них, одно на двоих.

Все это было психотерапией. Николай успокаивал себя как мог, заговаривал себе зубы. И все равно переживал, боялся Давилы. Боялся, что тот разобьет неустойчивое равновесие, на создание которого Николай потратил целых полгода.

Чувствовал ли Николай сейчас опасность? Нет, это не было похоже на опасность. Принципы Давилы (а он был человеком принципиальным) не позволили бы ему причинить зло Николаю. Проблема состояла в том, что Давила был слишком активен. Как смерч, он затягивал в свою воронку все, что его интересовало. А Краев явно интересовало его сейчас.

Осторожность – вот что сейчас требовалось Николаю. Осторожность. И все.

Дзынь. Звонок далеко за дверью. В другом мире. В мире, где живет Давила. В мире, который был и твоим когда-то. В мире, которого ты отчаянно боишься.

* * *

– Коля! – Илья Георгиевич Жуков вел Краева по длинному коридору, нисколько не изменившемуся за последние пятнадцать лет – с темной дубовой мебелью ручной работы, с зеркалом в старинной раме, с лосиными рогами, торчащими из стены. – Господи, Колька, чувак! Слушай, ты не изменился совсем, такой же тощий и малокалиберный. Сколько мы с тобой не виделись? Лет пять?

– Семь.

– Да... – Илья поскреб затылок, на котором еще сохранялись остатки белесой растительности. – Вроде, в одном городе живем. И вот тебе... Хотя слышу я про тебя регулярно. Такая, знаешь ли, знаменитость! Талант, талант!

– Мало ли кто был знаменитостью...

– Да ладно тебе! Опять, что ли, впал в меланхолию? Вылечим мы тебя, вылечим! Сейчас же и приступим.

Давила оставался самим собой. Громогласен, уверен в собственной неотразимости. Хотя, пожалуй, неотразимости стало поменьше. Невысок – ростом ровно в Краева (мерились не раз затылками). Толст, кругл. Живот, ляжки – это уж само собой, но вот и руки стали какими-то подушечно-сосисочными.

Краев только что испытал пожимания рук и удары по плечу – еще там, на лестничной площадке. Впечатление о круглости и даже некоторой рыхлости Давилы разбивалось напрочь его рукопожатием. Руки Жукова имели деревянную твердость и невероятную силу. Колоду карт, пожалуй, разорвать он не мог, а вот полколоды – пожалуйста. Таков он был – Давила Жуков. Внешность толстячка была его защитным укреплением, форпостом, из-за которого он наносил свои огневые удары, сбивающие с ног самых закаленных в словопрениях бойцов.

– Ты меня чего? По делу? – Николай трепыхался еще, пытался противостоять дружелюбному натиску. – Илья, ты знаешь... Извини, у меня со здоровьем не очень-то. Я почти не пью. Я ненадолго сегодня...

Жуков остановился. Взял двумя пальцами Краева за галстук, подтащил к себе поближе, слегка повернул, как бы изучая физиономию клиента в свете настенного бра. Лысина Давилы лоснилась, маленькие блестящие очки без оправы обхватили круглый носик, вдавились в него стеклами. От Жукова едва заметно пахло алкоголем.

– Пару стаканов выдержишь, – внятно сказал он. – Не изображай из себя дохляка, Коля. Я знаю, чего ты стоишь. А о делах – потом.

Так-то вот. Какая уж там оборона?

Что знал о нынешнем Давиле Краев? Немало знал. Как не знать? Илья Георгиевич Жуков был личностью, известной в городе. Еще десять лет назад Жуков активно участвовал в политике, носился со своими экономическими идеями. Потом успешно вывел из банкротства некое крупное предприятие, стал его директором. Давила набирал популярность в слоях населения, даже собирался создавать свою партию – имени чего-то всеобщего экономического – то ли зависимости, то ли независимости. Баллотировался в Госдуму, и Краев расценил бы его шансы как довольно высокие. И вдруг пропал с телеэкранов – незадолго до прошлых выборов. Нырнул на дно. Что это было? Проявление их с Илюхой парадоксальной честности?

Краев слышал краем уха, что ныне Жуков работает в какой-то оборонной конторе – достаточно засекреченной, чтобы никто не мог сказать ничего о том, чем она занимается. Одно, пожалуй, Краев мог сказать об этой конторе наверняка: теперь она процветала. Не могла не

процветать, если там работал Давила. Работал и исполнял административные функции. А кем там он еще мог быть? Давила мог работать только руководителем.

– Ну, давайте знакомиться! – Оказывается, Краев находился уже в большой комнате и Жуков представлял его какому-то человеку. – Это Эдик. Эдуард Ступин. Ученый, микробиолог, работает в «Интерфаге». А это – Николай. Коля у нас знаменитый телевизионщик. Передачу «Природа вещей» помнишь, Эдик? Так вот, Коля – ее автор!

– Неужели?! – восхитился Эдуард. – Как же не помнить? Незабываемая передача, легенды о ней рассказывали. У нас вся семья смотрела! Как вы умудрились такое создать?

– Долго рассказывать... – промямлил Краев, вяло отвечая на рукопожатие.

– Потрясающе! Очень интересная была передача! И рейтинг невероятный. Я читал в газете. По моему, первое место в стране, да? А почему она перестала выходить?

– Потому и перестала, – сообщил Жуков. – Прикрыли его передачку. Быстренько прикрыли. Передача-то была ни о чем – так, развлекаловка какая-то, а рейтинг – первый в стране. Так быть не должно, не положено. Человек в виртуал уходить не должен. За это наш Коля и пострадал.

– А что такое «Интерфаг»? – в свою очередь поинтересовался Николай. Не хотелось ему вспоминать о своей зарубленной передаче.

– Научно-исследовательский институт. Ну, бактериофаги там изготавливают, лекарства всякие, вакцины... В общем, биопрепараты.

Эдуард облегченно вздохнул, отчитавшись о работе. Очевидно, ему тоже отчаянно не хотелось говорить о своей трудовой деятельности.

Эдуард Ступин был мужчиной лет тридцати с небольшим – крупным, но, в отличие от Давилы, не толстым. Ростом на две головы выше Жукова, сложение Ступин имел вполне атлетическое. Огромные кисти, длинные пальцы. Только вот впечатления силы Эдуард не производил. Сутулость, проистекающая от стеснения нестандартным ростом. Обгрызенные ногти. Жидковатые, желтоватые, давно не стриженные волосы, космами висящие на ушах. Большой унылый нос, оседланный очками – безобразными по причине несвоевременной бесформенности и невероятной толщины близоруких линз.

Эдик выглядел как человек, плохо приспособленный к агрессивному воздействию окружающей действительности. И уже из-за одного этого показался Краеву симпатичным, интеллигентным и заслуживающим общения.

Краев сел на диван и сложил руки на груди.

– Ну, что у нас сегодня? – произнес он. – Коньячок? Бренди? Или даже виски? Что нынче пьют выдающиеся экономисты?

– Водочка, – сказал Жуков. – Коньяк – это не наш напиток. Что французский, что кавказский. Русское сердце он не греет. Про виски вообще не говорю. Пускай англичане сами пьют свою отраву, подкрашенную торфом.

– Стало быть, ты русским патриотом заделался? – Краев удивленно наклонил голову. – Стал блюстителем национальной чистоты-с? Едим только блины с икрой, запиваем только самогонем? А как же быть с шустовским коньячком – самым что ни на есть нашенским, российским? Из граненого стаканчика, с лимончиком, под осетринку, а?

– Шустовского я бы выпил, – не моргнув глазом, ответил Жуков. – Только нет его больше, большевики весь выпили. А ты что, только «Хеннеси» теперь употребляешь? Водку не признаешь более?

– Признаю, – как-то быстро ответил Николай, видимо, устыдившись своего космополитизма. – Хорошей водочки почему бы не выпить?

– То-то же... – Жуков устремил неправдоподобно ласковый взгляд на Эдуарда. – А тебе чего? Тоже, небось, какие-нибудь забугорные напитки уважаешь?

– Знаешь... – замялся Эдик. – Мне бы это... чаю простого. Мне работать еще сегодня.

– Работать? Молодец. Уважаю, хотя и не понимаю. Веселая компания у меня тут собралась. Один на здоровье жалуется, другой на работу рвется... И над чем же ты в настоящее время работаешь?

– Ну... Это сложно объяснить. – Ступин неопределенно помахал в воздухе большой рукой. – Я же говорил тебе... Технологии всякие, прикладная генетика... Чего там говорить? Это для специалистов дело.

– А ты расскажи. Интересно, все-таки. – Тон Жукова становился все более жестким. – Интересно, на чем люди такие хорошие деньги делают?

– Какие деньги? – легкий румянец Эдика превратился в пятнистый пожар. – Так себе, на жизнь хватает. Ты что, Илья, тоже в мой карман заглянуть хочешь?

– Что значит «тоже»?

– Да все вокруг только и считают мои деньги. Я что, на богатого похож? – Эдик поднял руки, продемонстрировал потертые локти пиджака, лет пять назад бывшего относительно модным, а ныне изрядно потасканного. – Похож, да?

– Похож, – уверенно заявил Давила. – В жизни не видел человека, настолько похожего на подпольного миллионера!

– Я, между прочим, работаю, – Улыбка Эдика медленно превращалась в напряженный оскал – так улыбается дворовый пес, загнанный палкой в угол. – Работаю, заметь, а не ворую! Наш «Интерфаг», конечно, давно уже в коме. Что ж поделать, время сейчас такое – государство денег ни черта не дает. И поэтому я работаю сам по себе. Я же говорил тебе... Это сложно объяснить... Что я, виноват, что никто из этих тупиц не может изобрести ничего путного? Ты же знаешь...

– Все я знаю, мать твою! – взорвался Давила. – Знаю, что ты сидишь за десятью замками в своей личной лаборатории и отстегиваешь бабки директору своего НИИ, чтобы тебя никто не трогал! Знаю, что у тебя там куча самых крутых компьютеров, ввоз которых в Россию запрещен Соединенными Штатами по стратегическим причинам. Даже знаю, через какую страну ты эти компьютеры протащил, переплатив за каждый почти вдвое. А еще я в курсе, что кроме этих компьютеров стоит у тебя кое-какая аппаратура – не такая уж уникальная, смею заметить. Только вот не могу понять, милый мой Эдик, что эта аппаратура у тебя делает? Потому что предназначена она не для какой-нибудь там мирной вакцины, а для производства бактериологического оружия...

– Что ты за чушь несешь? – Ступин взволновался, попытался встать, но ему помешал стол, надвинутый на диван. Так и стоял Эдик в неуклюжей позе, балансировал на полусогнутых. Видно было, что испуган он не шутку. – Этого никто не знает! Ты все придумал. Да, ты все придумал. Ничего там у меня такого нет. Нет ничего...

Давила вскочил на ноги, протянул руку, ткнул Эдика пальцем в грудь, нарушил его шаткое равновесие и тот плюхнулся обратно на диван. Давила грозно навис над съжившимся Эдуардом.

– Знаешь, что ты делаешь? Думаешь, ты зарабатываешь деньги? Да ты просираешь их! Работаешь за копейки, мудака! Продаешь свои технологии за бугор по дешевке, в тысячу раз дешевле того, чего они стоят, и счастлив! Ну конечно, тебе-то хватает! Для России и эта подачка – целое состояние! А ты не думаешь о том, что продаешь достояние своей страны? Ты – страус, который зарыл башку свою в песок и думает, что вокруг ничего нет. Ты уверен, что всегда будешь сутками сидеть в своей лаборатории, которую любишь, как бабу. Сидеть в матке-лаборатории, оплодотворять, вынашивать и рожать свои гениальные технологии...

– А ты... А ты, между прочим, права морального не имеешь говорить такое! – Эдик, вроде бы совершенно втоптаный в грязь копытами Давилы, вдруг гордо вскинул голову. – Тоже мне, очередной патриот нашелся! Сам-то что, свою зарплату неимущим раздаешь? Ты чего хочешь? Чтобы я свои деньги отдал? Кому? Государству? Чиновникам нашим? Так на

них лапу сразу наложат! И народу твоему разлюбезному, голозадому, шиш достанется! Шиш! Такой вот!

Эдик сунул в нос Давиле огромный кукиш и вертел им туда-сюда – очевидно, для большей достоверности.

Николай сидел молча, наблюдал за развитием баталии. Непонятно ему было, зачем он приглашен. Чтобы выступить в качестве третейского судьи в дружеских разборках? По виду разборки уже переросли ранг дружественных, но это не обманывало Краева. Видел он не раз, как работает Давила.

Давила внезапно справился с приступом горячности, едва не перешедшим в бешенство. Посмотрел на эдиков кукиш спокойно, даже с некоторым удовлетворением, и отодвинул его ладонью в сторону.

– А на твои денежки и так скоро лапу наложат, – произнес он дружелюбно.

– Кто наложит?

– А не все ли равно, кто. Найдется кому. Возьмут тебя, милый, за шкурку и заставят работать на дядю. Как вол будешь пахать, а относиться к тебе будут, как дойной корове. И это будет лучшим вариантом развития событий. А в худшем... – Давила провел рукой по горлу. – Сделают тебе харакири по-русски – ржавым топором без анестезии.

– Да ладно пугать-то... С чего ты так решил?

– Потому что ты – размазня! Ты беззащитен, как мальчик в песочнице. Делаешь деньги, сотни тысяч баксов, и думаешь, что это останется незамеченным? Да тебя уже засекли, пентюх! Думаешь, почему я тебя на разговор сюда вытащил? Кто заступаться-то за тебя будет?

– Есть кому...

– Некому! Нет у тебя никакой «крыши»! Ни черта у тебя нет, кроме непомерного гонора и надежды на то, что, авось, обойдется!

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, – заявил Давила. – Все я знаю про твои художества! И не только я. Весь твой НИИ давно уже кипит гневом народным, революционная ситуация там назрела. В курилках обсуждают каждый твой несправедно заработанный доллар. Сотни голодных инженеров готовы идти штурмом на твою хренову лабораторию, чтоб разнести ее на кусочки...

– Крепины! – заорал Эдуард. – Бездельники! Им не в институте, им в колхозе работать! Ничего они не мне сделают! Никто меня не тронет! Да я им башки... Кто тебе это сказал?

– Чеботарев. Василий Леонидович. Знаешь такого?

Эти слова произвели магическое действие. Пыл Эдика резко угас – очевидно, источник информации заслуживал уважения.

– Сволочи... – Эдик опустил голову. Сжатые кулаки его, лежащие на столе, мелко тряслись. – Какие сволочи... Быдло... Быдло...

– Быдло, говоришь? – Глаза Давилы сжались в узкие щелки. – Это кто быдло? Марков, который бескорыстно подарил тебе четыре собственных формулы, из которых ты сварганил кандидатскую? Протасов Виктор Иванович, который двигал тебя, молодого и талантливого, нянчился с тобой, помогал прошибать дубовые советские инстанции, чтобы утвердили твои изобретения? Душевнейший Курякин собственной персоной, членкор, гранд отечественной науки, который не поехал на симпозиум в Риме, чтобы послать туда тебя? Это они – быдло? Или Яшка Гительсон, без которого был бы из тебя программист – как из меня балерина? Яшка до сих пор отлаживает тебе программы, а ты даешь ему копейки, пользуясь тем, что он полный пентюх...

– У меня все деньги уходят на аппаратуру, – заявил Эдуард.

– Аппаратура, значит? – Жуков упер руки в боки. – Аппаратура! – произнес он патетически. – Дело хорошее. А то, что Марков лежит в больнице с гангреной ноги, это несущественно. И никакой надежды на улучшение, потому что у него запущенный диабет, а денег на лекарства

нет. Одну ногу ему уже отрезали, теперь вторую резать собираются. Какой пустяк! Или вот Протасов, бывший твой начальник отдела, ныне пенсионер. Два инфаркта, пенсия с гулькин нос, ныне большой специалист по собиранию пивных бутылок. По сравнению с твоей аппаратурой – сушая ерунда! Сам виноват, нечего было коммунизм строить. А Яшку-то ты за что так? Его же обижать грех – вроде, как ребенка. Башка у него светлая, но вот к нашей жизни он совершенно не приспособлен. Даже в Израиль свой свалить не может, потому что документы не в состоянии оформить.

– Водки... – хрипло произнес Эдуард. – Налей-ка мне водки. Ты предлагал, вроде? Налей. Пусть мне плохо будет. А... Полстакана сразу. И так уже хуже некуда. После твоих-то слов.

Тут только обнаружилось, что из-за стремительного развития разговора немотивированно упущен главный элемент душевного общения, называемый «по стопарику». И хозяин переменил выражение лица на относительно несвирепое, и водочка появилась, и минимум закуски, как бы предвещающий последующее обильное горячее. И сели уже все трое, и подняли стаканы, в коих содержалось драгоценное успокоительное. Рука Эдуарда дрожала. Николай сохранял молчаливую холодность.

– Ну, за вас, – произнес Илья Жуков. До прежней радушной улыбки дело еще не дошло, но тон его стал душевнее. – За вас, друзей моих. Рад, что мы собрались здесь. Рад, ей-богу...

– За себя пить не буду, – сдавленно произнес Эдуард. – Раз сволочь я такая...

– Да ладно... Пей, Эдик. Не такой уж ты и плохой, бывают и хуже.

– Плохо то, что правда все, что ты про меня сказал. Сушая правда! Господи, какое же я дерьмо!

Ступин обреченно вздохнул, выпучил глаза и начал пить водку большими глотками. Видно было, что непривычен он к этому делу, но все же справился, не захлебнулся, даже не закашлялся. Только слезы выкатились блестящими дорожками на щеки.

– Закуси. – Давила подцепил на вилку обрывок лохматого соленого груздя и впихнул его в рот Эдика. – Знаю я, что совестлив ты, друг мой. Да только совесть твоя бездеятельна. Чтоб слезу пустить – на это она еще способна. А чтобы на дело подвигнуть – тут уж кишка слабовата. Вот и прячешься от окружающего мира, надел на совесть свою черные очки. Не один ты такой. Страна летит вниз, в преисподнюю, со скоростью сбитого самолета. А уж как пассажирам этого самолета действовать – на их усмотрение. Кто мог, парашют себе приготовил, чтобы смыться вовремя за границу. Ты вот, например, из таких. А остальным... Судьба такая – разбиться и сгореть в огне.

– Ты это, палку не перегибай! – огрызнулся Ступин. – Ты это... Пессимист уж ты прямо. Не так уж все плохо. Когда-нибудь и у нас будет не хуже, чем на западе. Не сразу, конечно, лет через двадцать. Нажрутся те, кто сейчас у власти, начнут делиться с теми, кто беднее. Российское общество накопит достаточный капитал, чтобы жить спокойно, без потрясений. Ведь все проходили через это, все капстраны. Подождать только надо.

– Сказки это, – сказал Жуков. – У нас так не получится. Так вот, как у них, не получится, как бы мы ни старались.

– Почему это?

– Объясню тебе почему, любезный мой. Дело в том, что работаем мы не на себя. И богатство российское не накапливается в нашей стране, как бы того тебе хотелось. Оно уходит, утекает как вода сквозь пальцы. Вот скажи, за какие деньги ты предпочитаешь работать? За рубли или за доллары?

– За доллары.

– То-то. Все мы любим доллары – маленькие иконки теперешней нашей веры. А что в результате получается? Вся страна вкальвает, и все то, что она произвела, так или иначе превращается в американские деньги. – Экономист выхватил из внутреннего кармана несколько десятидолларовых купюр и подкинул их вверх. Купюры гордо поплыли в воздухе и медленно

опустились на пол. – Вот они! Зеленая резаная бумага! Грош ей цена бы была, если бы не наша тупость! Это ж надо – огромная страна готова выдрать из себя последние кишки, только бы купить еще несколько тонн зеленой бумаги! А эти, за бугром, только рады: «Работайте, бедные глупые русские! Мы купим у вас все – и нефть, и лес, и руду, и золото! И баб ваших красивых купим! Только уж не обессудьте – купим подешевке, потому что наша зеленая бумага очень хорошего качества, нам самим она очень нравится, и расставаться с ней нам жалко до слез. Вы нас очень хорошо попросите, чтобы мы вашу дурацкую продукцию купили. И если вы, глупые бедные русские дураки, задницу нам хорошенько полижете и поклянетесь в вечной нам верности, и пообещаете делать все так, как мы вам прикажем, то мы непременно раздобреем, и купим у вас все на корню, и напечатаем вам новой, свежей зеленой бумаги! Вот какие мы добрые и хорошие!» – Жуков шарахнул кулаком по столу. – О каком накоплении российского богатства ты говоришь, Эдик? Миллионы, миллиарды долларов – за наши проданные по дешевке ресурсы! Кредиты еще берем – мало нам! И где все это оказывается через несколько месяцев? Да снова там же, за границей. В тех же заграничных банках. Из денег делаются деньги.

– Производство надо развивать... – пробормотал Ступин.

– Производство? Да кому оно нужно? В процессе делания денег из денег это лишний этап. Все везем из-за рубежа – любую дрянь подешевле, лишь бы накрутку побольше сделать! Что мы, у себя такое не можем производить? Да как два пальца обоссать! Только не производим. Знаешь, почему? Денег у нас нет на производство! Все деньги на закупку долларов уходят. Кто-то в зарубежные банки их кладет, кто-то в чулок прячет – такие вот жмоты, как ты. А большинство народа и доллара-то живого в глаза не видело! Терпит народ, на что-то еще надеется. Смотрит, как бритые быки в «Мерседесах» катаются. Только знаешь, терпение не бесконечно...

– Слушай, а ты ведь прав! – тонким голосом сказал Эдуард. В голове его шел уже свистопляс – и от непривычной дозы алкоголя, и от речей Давилы. – Я вижу, ты здорово соображаешь...

«Господи, как меня достало все это... – подумал Краев. – Неужели я плелся сюда, чтобы в очередной раз прослушать политическую лекцию Давилы? Сотни правильных гневных слов, отскакивающих от моей звенящей головы, столь нуждающейся в тишине. Я слишком хорошо знаю Давилу. Знаю все его манеры, его тактику. Знаю его таинственную осведомленность обо всем и обо всех – главный козырь, на котором базируется все остальное: тщательно подготовленные вспышки гнева, и талантливые кавалерийские наскоки, и добродушные откаты»...

– Илья! Ты понимаешь меня, как никто другой, – с чувством говорил между тем Эдуард и тряс руку Давилы, зажав ее между своими длинными белыми пальцами. – Вот ты, Илья... Ты говоришь, что я – жмот и все такое... Что деньги несправедливо зарабатываю. А ведь я ученый, между прочим! И не самый последний ученый в своей области. По большому счету плевать мне на эти деньги. Что я – живу шикарно, что ли? Есть у меня мечта – чтобы в своей стране, в своем родном городе, в своей лаборатории, а не где-нибудь за границей, мог я заниматься своим делом. Своим делом – черт подери! Я хочу быть самим собой. И еще я хочу, чтобы меня ценили за это. И чтоб я мог жить той жизнью, какая подобает мне. Что, разве я не достоин этого?

– Хорошие слова, – одобрительно сказал Давила. – Любой достойный человек заслуживает того, чтобы жить хорошо, а ты, Эдик, особенно достоин этого! Выпьем за тебя, Эдик! Твои мечты обязательно осуществляются!

– К-коля, пьем! – закричал Эдик с нетрезвым энтузиазмом. – За Родину! И за меня!

Осушили стаканы. Эдик выглядел растроганно, смотрел на Давилу как на лучшего, душевнейшего друга. Забыл уже, как Давила утюжил его полчаса назад.

«Этот уже готов. – Николай поднимал стакан, автоматически совершал глотательные движения, когда водка лилась ему в горло. – Быстро Давила скрутил его... Молодец, Давила, мастер. Как ты достал меня, Давила. Я же помню тебя другим»...

– Ну а ты, журналист-молчун? – Жуков повернул лицо свое к Краеву. – Ты что скажешь? Есть у тебя какая-нибудь мечта? Хотя бы маленькая такая мечтеночка?

– Да нет, откуда? – Краев улыбнулся едва заметно. – Откуда у нас, журналистов-молчунов, мечты? Нету. Извини.

– Тогда я о своем скажу. – Давила уже снова деловито наливал водку. – Друзья мои, моя мечта – процветающая, богатая Россия! Не через сто лет, и даже не через двадцать! А через пять-десять лет! – Давила взволнованно взмахнул стопкой, водка плеснулась на скатерть. – Вот вы представьте, предположим, аэропорт «Шереметьево». Приезжает к нам какой-нибудь иностранец – к примеру, немец. Некий, предположим, Рихард Швайнер. Или Шрейдер, не важно. Глядит он на Москву и думает: «Вот, живут же люди... Не то что у нас, в засраной, бедной Германии!» А в России – красота! Никаких, понимаешь, нищих, никакой безработицы! Рубль горд и устойчив! Сияющий монорельс молнией пронесет обалдевшего немца над красавицей-столицей. Лето... Дома, похожие на сады Семирамиды. Прозрачные, хрустальные воды Москвы-реки, в которых удочками ловят осетров. Бесшумные вереницы электромобилей, лучших в мире российских электромобилей, цветными драгоценными камнями блестят в лучах солнца! И улыбки девушек – счастливых, что живут в России – самой лучшей, самой богатой стране, стране веры и разума, силы и достоинства...

– Bravo! – Эдик громко захлопал в ладоши, потерял от столь сложного движения равновесие и частично завалился на бок. – Bravo, bravo! Илья! Т-ты – гений!

– Осетров не ловят на удочку, – негромко, напряженно сказал Николай. Глаза его потемнели. – Но в остальном неплохо, Илья, у тебя недюжинный потенциал. Главное, мечтать в правильном направлении, безо всяких оппортунистических уклонов. Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля. Илья Жуков мечтает о хороших временах – красиво, романтично мечтает, просто завидки берут. Помню я такие времена, были они не так давно. В городе-герое Москве. Помню, как приехал в первый раз в Москву в семьдесят пятом году, подростком еще. Чуть в обморок не упал, когда увидел в магазине десять сортов колбасы. А там, где я жил, в советском городе Верхневолжске, в те времена народ стоял в очереди за плавлеными сырками – по две штуки в одни руки. Не помнишь такое? Забыл уже?

– Ты меня с коммунистами не равняй! – Жуков мотнул лысой башкой. – Где они, коммунисты твои? Перестроились все быстренько. Раньше хапали именем развитого социализма, теперь – именем рыночной системы. Только не рынок это, а несколько крупных бандитских кланов и сотни мелких периферийных кланчиков, которые давно разделили нашу страну между собой – и имущество, и денежные потоки. И делиться ни с кем они не собираются. Ты что думаешь, я о равенстве пекусь? Да плевать мне на него, не может быть всеобщего равенства. Только вот неравенство сейчас слишком уж вопиющее, неприкрытое, как порнография самого отвратного пошиба! Революции я боюсь. Кончится нынешнее развратное состояние новой кровавой резней, помани мое слово! Ворье свалит из России в мгновение ока и будет жить долго и счастливо. Будет говорить о взбунтовавшемся быдле и изгнанном, страдающем цвете нации. А тем, кто останется здесь, придется начинать заново, собирать все по крохам. Сколько можно наступать на одни и те же грабли?

– Дорога, по которой идет Россия, выстлана граблями, как гравием. У тебя что, есть рецепт, как избежать этого?

– Есть.

– Какой?

– Есть, есть, говорю тебе!

– Ну, что у тебя там за идеи? Давай, выкладывай! Перекрыть утечку капитала за границу? Прекратить хождение доллара в России? Выплатить все зарплаты и пенсии? Запретить быть бандитом? Что еще?

– Это все детали. Детали. Экономические, социальные. Для грамотного в экономике человека и так понятно, какие меры предпринять. Проблема в другом: какую бы хорошую экономическую программу человек не составил, осуществить ее не удастся. И чем лучше и яснее эта программа будет, тем быстрее ему свернут голову. Потому что хорошая программа будет мешать хорошо воровать.

– Стало быть...

– Стало быть, главное – это проблема власти.

– Это слова дедушки Ленина, – заметил Краев. – Он уже захватывал власть, банки, телеграф, телефон и что-то там еще. Много хороших дел совершил. Только умер рано. Не успел расстрелять всех буржуев.

– Я устал от тебя. – Давила уставился на Николая с откровенной злостью. – Ты – скептик, Николай! Гнусный и циничный скептик. Ты смотришь на тех, кто пытается делать что-то и отпускаешь ядовитые реплики. Ты капаешь ядом как гюрза, ловишь кайф в предвкушении того, что у кого-то снова ни черта не получится и он снова окажется в вонючей луже – такой же, в какой барахтаешься сам ты!

«Ненавижу ли я Давилу? – Николай пытался приглушить слух, остаться в любимом своем одиночестве даже здесь – в окружении слов Давилы, летающих в воздухе и жужжащих как пчелы. – Да нет, нет... Как я могу ненавидеть его, старого своего друга Илюху Жукова? Просто он кое-что перепутал. Он пытается втянуть меня в сферу своей профессиональной деятельности, в какой-то очередной проект, о котором я ничего не знаю и знать не хочу. Я не имею деловых отношений с друзьями. Больше не имею. Хватит, обломался».

– Я сам варился в этой каше, – сказал он. – Знаю я всю эту вашу политику...

– Это не наша политика! – заявил Жуков. – Это ИХ политика, и я не хочу иметь с ней ничего общего. Я знаю, что ты получил свою порцию тумачков и разуверился в том, что можно совершить хоть что-то полезное. Били тебя по темечку, били... Знаешь, меня лупили не меньше твоего, но я не сложил ручки. А ты нырнул в болото, ушел в околополитический слой. Слой тех, кто когда-то был *допущен*, а потом оказался не у дел. И теперь ваше занятие – курить, принимать горделивые позы, обсуждать, какой козел этот Василий Петрович, которого вы звали просто Васькой, а теперь он замгубернатора, и берет на лапу столько-то...

– Не принадлежу я к этому слою, – тускло сказал Николай. – Достали меня все слои – и околополитический, и псевдоэкономический, и гордопатриотический... Я просто сам по себе. Иди к черту, Илья.

Давила задумался. В течение некоторого времени переваривал что-то в своей черепной коробке, поднимал и опускал брови, тер лысину рукой. И вдруг просиял.

– А ведь ты прав! – заявил он радостно. – Ты – не из этих! Ты совсем не такой! А я-то думаю, зачем я тебя пригласил? Ну правильно! Если бы ты был из этих, ты бы мне не подошел...

– А так – подхожу? – мрачно поинтересовался Краев.

– Конечно! Ты – самое то!

– И для чего же я подхожу?

– Впереди выборы Думы и президента. – заявил Давила. – И я не намерен сидеть, сложа руки. Я все просчитал: у моей команды есть шанс. Да, у меня есть команда – небольшая, но весьма толковая. Мне не хватает двух человек. Я имею в виду не людей какой-то определенной профессии. Имею в виду именно вас – двух талантливых индивидуумов. Для этого я и пригласил сюда вас, Николай и Эдуард. Вы войдете в мою команду!

– Сбрэндил, – уверенно поставил диагноз Эдик. – Я смотрю, наш Илья сегодня какой-то не такой. Раньше в основном о бабах говорил, а теперь все больше о политике. Сбрэндил Илюша. И нас хочет за компанию в дурдом прихватить. Куда суется?

– Ну хватит... – Николай тяжело поднялся на ноги. – Вижу, разговор наш принял самое идиотское течение, на которое только способен в подпитии мой старый приятель Илья. Пора мне, пожалуй, хлопцы. Домой, до хаты... Извините.

– Т-ты куда, Коля? – Эдик обалдело закрутил головой, схватил Краева за рукав. – Ты что, обиделся? Между прочим Илья во многом прав. Он по делу многие вещи говорит. Он в корень зрит...

– Зрит... Зырит.

Николай поплелся к прихожей. Сил не было совершенно. Нужно поймать такси. Может, по телефону вызвать? Ладно уж, спустимся на улицу, не хочется до телефонной трубки дотрагиваться. Скорее на свой диван, к любимым книжкам. Молчаливым книгам, не издающим звуков.

* * *

– Чего это он? – Эдик прихлебывал чай с лимоном, обжигался, но мог пить только такой – раскаленный, почти кипящий. – Неплохой мужик этот Николай. Только измотанный какой-то весь. Не сказал бы я, что он злой – скорее, недоверчивый, разуверившийся во всем хорошем. Как будто из тюрьмы вышел.

– А так и есть, – сказал Жуков. – Никак он из тюрьмы не выползет – из той, что построил собственными руками. Тюрьмы собственного нежелания общаться с внешним миром. Талантливый он, неординарный. Только не всем такие люди нравятся. Свернули Коле голову – напроць. Хорошо, хоть живой он еще, и не в психушке. Ладно, с ним мы почирикаем попозже. А теперь вернемся к делам нашим грешным...

ГЛАВА 3

СВЕРХДЕРЖАВА. 2008 ГОД

ГОСТИНИЦА «ЯРОСЛАВСКАЯ».

ВЗГЛЯД НА ПРЕЗИДЕНТА

Рихард Шрайнер сидел в номере гостиницы и смотрел «Телерос».

Это было довольно тупо с его стороны – сидеть и смотреть телевизор. Не для того Рихард ехал в Россию, чтобы пялиться в ящик. Но он сдался, уступил навязчивым предложениям теле-системы: «Посмотри меня!», как уступают щенку, бегающему за хозяином из комнаты в комнату и требующему ласки. Трудно было не сдаться. Плоские телеэкраны были вмонтированы в стену каждой комнаты, они включались и выключались автоматически при перемещении Шрайнера по номеру гостиницы. В ванной имелось сразу два экрана, черт их подери. Даже в сортире, и без того оборудованном по последнему слову техники, был маленький телевизорчик. Когда Шрайнер сидел на унитазе лицом к лицу с симпатичной дикторшей, ему казалось, что она подсматривает за ним и улыбается ехидно именно по этой причине. Он пробовал выключить туалетный телевизор при помощи универсального пульта, но что-то не срабатывало – вместо выключения происходило непрерывное переключение каналов. Лица в экране сменялись, и на всех была та же усмешка. В конце концов Шрайнер ретировался из туалета, будучи твердо уверенным, что на его физиологические отправления полюбовалась половина телеведущих мира.

Россия была замечательной страной, многое здесь было устроено лучше, чем в Германии. Но вот этот пункт Шрайнера раздражал – сдвиг России на телевизорах и телевидении.

Россия имела собственную систему телевидения – «Телерос». От прочих систем она отличалась улучшенным качеством изображения и полным отсутствием рекламы. Система «Телерос» пользовалась огромной популярностью во всем мире, передачи ее транслировались через спутники на сотнях языков, включая такие экзотичные, как хуту и суахили. Но принимать их можно было только на российских телевизорах. Технологию «Телероса» не удалось пока расшифровать никому.

Русские снабжали своим телевидением всю планету. А вот к чужим телевизорам относились плохо. Ввоз иностранных телевизионных устройств в Россию был запрещен – Шрайнер убедился в этом на собственной шкуре. Впрочем, можно было настоять на ввозе иностранного телевизора или компьютера – если ты приезжал в Россию надолго. Но в этом случае в телевизор устанавливался спецдекодер, и он автоматически превращался все в тот же приемник «Телероса». Такой вот бесплатный подарок российского государства, отказаться от которого было нельзя.

Кроме российских каналов, «Телерос» ретранслировал большинство передач других телекомпаний мира – безо всяких купюр и цензуры. В том числе такие передачи, где Россию поливали грязью и объявляли главной причиной мирового финансового кризиса. Похоже, Сверхдержаве плевать было на мелкие комариные укусы.

Вот и сейчас Шрайнер смотрел репортаж о международной пресс-конференции в Риме. Передача велась итальянским телевидением, наушник синхронно переводил чужую речь. Шрайнер сидел в кресле, положив ноги на подставку, и курил. Он слушал президента Российской Федерации и изучал его физиономию – в тысячный раз уже в своей жизни.

Внешность президента была знакома Шрайнеру до последней морщинки -впрочем, как и большинству людей на планете. Высокий, худой пожилой человек, седые редкие волосы со старомодным пробором, светлые глаза. Президент был похож на учителя литературы – интеллект с негромкой речью и безупречной дикцией, никогда не путающий падежи. Он мог бы

показаться даже мягким, если бы Рихард не знал, что он представляет из себя в действительности. Президент России Петр Иванович Волков был человеком номер один во всем мире – по всем рейтингам. За его спиной стояло самое богатое государство, самая неуязвимая, хотя и немногочисленная военная оборона, самое технологичное производство. И, конечно, СИЛА И ТЕРПИМОСТЬ – лозунг, официально применяемый Россией для обозначения своей политики, как внешней, так и внутренней.

Россия стала непонятной страной. Она не участвовала в международных войнах, разгоревшихся в первое десятилетие двадцать первого века во всех точках планеты. Она распустила свою армию. Она задавила экономически весь мир и не шла на финансовые уступки. И, самое главное, никто не мог понять, что движет фантастическим развитием России. Шрайнер приехал взглянуть на все это собственными глазами. Еще недавно он питал иллюзии, что поймет хоть что-нибудь. Но надежды его таяли с каждой минутой. Он все больше чувствовал себя землянином, прибывшим на чужую планету.

– Скажите, антиамериканская политика, проводимая Россией – это месть? – Голос тележурналиста на конференции вывел Шрайнера из забытья. – Месть ослабленным Соединенным Штатам за унижения, пережитые Россией в конце двадцатого века?

– Мы не ведем антиамериканской политики. – Голос президента России звучал глуховато, ровно. – Нам чуждо само понятие мести.

– Насколько известно, переговоры с Международным Валютным Фондом на прошлой неделе окончились безрезультатно – Россия отказала ему в стабилизационном кредите. И теперь МВФ грозит окончательное банкротство. Помнится, тот же МВФ в 90-х годах двадцатого века активно поддерживал президента Ельцина, и это помогло постсоветской России выкарабкаться из кризиса. Не гуманно ли было бы проявить сочувствие к организации, в свое время столь помогавшей России?

– Насколько вам известно, Российская Федерация не дает рублевых кредитов банкам и финансовым фондам – то есть учреждениям, производящим деньги из денег. – Президент Волков произнес эту фразу так же терпеливо, как и пять лет назад, когда она была произнесена в первый раз. Было в нем что-то от преподавателя, из года в год вдалбливающего программу в головы тупых учеников. – В свое время США активно занимались кредитованием. По сути дела, они экспортировали сотни тонн американских банкнот. В результате доллар стал международной валютой, не подкрепленной ничем, кроме дутого авторитета. Причиной краха доллара послужило именно это, а не так называемая рублевая экспансия России. Глупо повторять ошибки других, занимаясь экспортом денежной массы. Вы знаете, что любой человек может обратиться в спецкомиссию России и получить целевой кредит на производство. Производство в его стране будет построено специалистами России по российской технологии. Это можно назвать лоббизмом, но приходится признать, что российские технологии – самые передовые в мире. Нет смысла строить производство по устаревшим схемам – к примеру, германским или японским. Человечество должно двигаться вперед, а не топтаться на месте. Мы не хотим воевать. Но мы целенаправленно отрываем от экономической власти людей, выращенных страшной средой прошлого века – коррупцией, демагогией, стремлением к развязыванию войн и непомерной тягой к накоплению роскоши, сосредоточению денег в руках небольшого количества людей. Такой была Америка. Ее экспансия, локальные войны, развязанные ей, едва не привели мир к самоуничтожению.

– Но количество региональных военных конфликтов увеличивается с каждым месяцем! Уже пятая часть населения Земли так или иначе вовлечена в них!

– Российская федерация не участвует ни в одном из них. Мы не продаем оружие никому – это запрещено нашими законами. Мы не посылаем наших солдат сражаться за границу, как это постоянно делают Германия, Франция, Англия и те же США.

– История показала, что биполярный мир более устойчив. С пятидесятых по восьмидесятые годы мир был биполярным: Советский Союз – США. Теперь, после финансового коллапса США, есть только одна Сверхдержава – Российская Федерация. Не является ли разрастание военных конфликтов на планете результатом этого? Не лучше ли было бы возродить биполярность?

– И как же вы предполагаете это сделать? – холодно поинтересовался президент. – Что вы вообще имеете в виду под биполярностью? Запугивание друг друга ядерным оружием? Истощение экономики гонкой вооружений? Захват территорий других стран, богатых ресурсами, называемый «защитой сферы национальных интересов»? Это не биполярность, господин журналист, но балансирование на канате над пропастью. Разрешите вам напомнить, что мир стал однополярным еще в девяностых годах, когда после крушения Советского Союза осталась только одна мировая империя – США. А теперь полярность поменялась. – Президент улыбнулся с едва заметной снисходительностью. – США экспортировали доллары, Россия экспортирует производство и высокие технологии. США навязывали своим союзникам локальные войны, втягивали в них все больше стран, прикрываясь словами о гуманности и общечеловеческими ценностями. Мы навязываем, да, я не боюсь этого слова, навязываем всему мировому сообществу терпимость. Наш главный враг – агрессия человека, культивируемая идеологиями двадцатого века – как социалистической, так и империалистической. И мы хотим уничтожить эту агрессию. Причем мирными методами.

– Но это же невозможно – мирные методы!

– Возможно, и вы знаете это. Посмотрите на Россию. Россия не воюет. У нас даже нет армии в вашем понимании этого слова...

* * *

Чистая правда. Пять лет назад Россия заявила о своем полном нейтралитете и неучастии в военных конфликтах. Российский парламент запретил продажу оружия за рубеж. С тех пор характеристики и принцип действия русской военной техники стали абсолютным секретом для всего остального мира. Известно было единственное: техника эта была настолько совершенной, что стало возможным официально распустить русскую армию и учредить вместо нее «Подразделение оборонительной аппаратуры» в составе Министерства Внутренних Дел. Голословные утверждения о том, что русская космическая промышленность и авиация превзошли Америку по научным разработкам, получили материальное подтверждение. Россия уже не боялась ни ракет, ни бомбардировщиков.

Рихард Шрайнер вспомнил конфликт Сверхдержавы с Бурдистаном – страной, образовавшейся после многократного раздела и слияния южных соседей России. Бурдистан был главным мировым производителем мака и тех наркотических мерзостей, что из него изготавливаются. В один прекрасный день президент Волков выступил на конференции в Нью-Йорке и заявил, что Бурдистан должен полностью уничтожить все маковые плантации в течение трех недель. «Иначе их покарает Бог», – добавил к этому президент Волков. Некоторые политики тогда публично стучали пальцем по лбу, намекая на проблемы психического здоровья Волкова. Отец Нации Бурдистана дал гневную отповедь гегемонистским устремлениям русских и убедительно доказал, что мак выращивается только для производства аппетитных булочек, полезных для здоровья.

Ровно через три недели все маковые плантации Бурдистана погибли в течение одной ночи. Многие местные жители видели, как это происходило. С неба посыпались белые шары, они взрывались в двух метрах над землей и посыпали все порошком. Самолетов-бомбардировщиков не видел никто – ни люди, ни радары. К утру вся растительность на маковых полях превратилась в зеленые слизистые лужицы.

Президент Волков вяло реагировал на обвинения в покушении на территорию соседнего суверенного государства. Просил привести хоть одно доказательство причастности русских. Обиженные бурдистанцы хорохорились и били кулаками себя в грудь. Толпы фанатиков бушевали на улицах, танцевали, сцепившись мизинцами, и пели бесконечные песни, в которых рассказывалось, какие они сильные и могучие.

А потом произошло и вовсе уж неожиданное событие: Бурдистан пальнул по России ядерным оружием. Запустил две ракеты, недавно изобретенные и изготовленные. Вся бурдистанская страна замерла в ожидании того, что последует за гордым самоубийственным вызовом. Люди ждали возможности отдать свои жизни за Бурдистан и лично за Отца Нации. Но ничего не случилось. Неизвестно было даже, куда попали или куда пропали эти ракеты. Бурдистан не успокоился, продолжал запускать свои ракеты с упорством и любопытством мальчишки, бьющего стекла в милицейском участке. Не происходило ничего. Ракеты исчезали с экранов радаров, пролетев по российской территории не больше десятка километров. Запаса ядерных ракет маленькой, но очень гордой страны хватило ровно на неделю.

Ракеты кончились. Ночью, через два часа после того, как был использован последний бурдистанский заряд, все предприятия, имевшие отношение к производству оружия, взлетели на воздух. Больше всего пострадал Дурмурстарский ядерный центр, замаскированный под фабрику по производству ковров с изображением Отца Нации. От него осталась только радиоактивная сажа.

Русские не подводили теоретической базы под свой вызывающий поступок, они вообще ничего не объясняли. Мировое сообщество разразилось обиженными криками. ООН пыталась объявить России гневный протест, но русские дипломаты только удивленно поднимали брови: "Что случилось? Сгорела Дурмурстарская фабрика по производству ковров с изображением Отца Нации? Глубоко сочувствуем! Что вы говорите? И шестьдесят пять заводов по производству часов и чайников с изображением Отца Нации сгорели тоже? Это действительно ужасно! Мы поможем нашему южному соседу – срочно вышлем тридцать три автопоезда с плакатами и открытками, на которых напечатан портрет всеми уважаемого Отца *их* Нации. Потому что население Бурдистана не должно страдать, оставаясь без лицемерия священного лица. Обязательно поможем! Полиграфическая база России развита хорошо".

В России все было развито хорошо.

Мир испуганно притих. Конфликт с Бурдистаном возвестил начало новой политики, основанной на новой, неизвестной технологии. Можно было утешать себя тем, что технология используется для благого дела – уничтожения наркотиков. Но никто мог предсказать, на что она могла быть направлена в следующий момент.

Шаткое равновесие мирового сообщества сдвинулось.

* * *

Рихард потрянул головой, возвращаясь к реальности. Он жадно следил за всеми событиями в России с тех пор, как сбежал оттуда. Он собирал все газетные статьи, подклеивал их в альбомы, пытался осмыслить и анализировать. Но это не поддавалось анализу. Это не поддавалось вообще ничему.

– В новом веке нам нужно новое понимание того, как человечество будет жить дальше, – продолжал монотонно бубнить в телевизоре президент Волков. – Хватит уничтожать друг друга, хватит уничтожать природу. В природе человека заложена агрессивность. Нужно справиться с ней, иначе человек уничтожит планету. Человечеству нужно сплотиться в борьбе со самым страшным своим врагом – тяге к самоуничтожению. Люди должны уничтожить агрессивность.

– И как же сделать это? Изолировать людей, склонных к агрессии? Может быть, убивать их?

– Необходима продуманная, всеобъемлющая система воспитания...

– Но это же утопия, господин президент!

– Если хотите – считайте Россию состоявшейся утопией, реализованным обществом счастья.

– Это антиутопия! – к микрофону прорвался экзальтированный человек с длинной бородой интенсивно черного цвета. – Россия – тоталитарное общество, прикрывающееся иллюзией благополучия! Почему с каждым годом падает количество людей, выезжающих из России на отдых? Ваши люди не знают ничего о западных странах! Так было когда-то в пятидесятых-шестидесятых годах прошлого века. Вы изолируетесь от остального мира!

– Не согласен с вами. Зачем русскому человеку ехать на отдых за границу и лишать себя привычного российского комфорта? Напротив – все больше туристов всего мира предпочитает отдыхать в России. Ломается стереотип, что лучший отдых – жариться на вредном южном солнце. Человек, знаете ли, все больше заботится о своем здоровье. Самые престижные мировые курорты двадцать первого века – Уральские горы, Байкал и Камчатка. Тайга, тундра, романтический русский север...

– Почему вы ограничиваете эмиграцию в Россию? – не унимался бородач. – Очередь людей, желающих получить гражданство России, растянулась уже на десять лет! Человек имеет право жить в той стране, которой хочет! Это завоевание западной демократии!

– Мы не хотим сталкиваться с проблемами, которые Европа не может решить в течение десятков лет. Западной демократии нравятся миллионы агрессивных эмигрантов, тяготеющих к экстремизму? России это не нравится. Мы достаточно разумны, чтобы учиться на чужом опыте. Человек должен жить в своей родной стране – цивилизованно и спокойно. И мы постараемся ему в этом помочь. Мы заинтересованы в мире на планете.

– Почему вы отказываете в гражданстве людям мусульманской веры?

– Вера не имеет для нас значение. Вы знаете: человек, делающий запрос для предоставления гражданства России, заполняет анкету для определения агрессивности. Это научно выверенная форма, составленная нашими лучшими психологами. К сожалению, вынужден заметить, что наличие безудержной, впитанной с детства агрессивности – издержки воспитания некоторых стран э-э... южного региона. Не думаю, что это имеет отношение именно к религии. В конце концов, это не наши проблемы, это проблемы мусульманского социума...

Рихард щелкнул кнопкой. Достаточно. Вполне вероятно, что президент Волков не врал. Нет необходимости врать, если факты, стоящие за твоей спиной, столь неоспоримы.

Только Рихард уже объелся этим сладким тортом. И когда президент снова говорил о неагрессивности, приличному и вежливому Шрайнеру хотелось надраться в баре и засветить кому-нибудь кулаком в глаз.

Рихард отчаянно желал выпить чего-нибудь крепкого – водки, или бренди, или на худой конец шнапса. Но, как выяснилось, гостиница «Ярославская» не входила в «алкогольную зону». Черт возьми!!! Где же находится эта проклятая и желанная алкогольная зона? Можно надеяться, что ближе, чем Уральские горы? Герр Шрайнер имел маленькую личную традицию: напиваться в стельку в первый день приезда в любую командировку. Сейчас он был неприлично трезв, и вся инопланетная роскошь России не могла компенсировать ему этого возмутительного неудобства.

ГЛАВА 4

РОССИЯ. 1999 ГОД. ИЮНЬ

РЕТРОСПЕКТИВА ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ЖИЗНИ

Николай Николаевич Краев находился в жутком душевном раздразе. Не лежалось ему на диване, не курилось. Книжки осточертели. И даже любимый «Будвайзер» не лез в глотку, застревал где-то на уровне хрящевого надгортанника.

Однажды, со злостью запулив книгой в стену, в импортные финские обои, Краев кряхтя поднялся и поплелся к телефону. Боли в спине замучили его к этому времени совершенно.

– Давила? – сказал он в трубку. – Слушай, у тебя хороший специалист по спине есть? Невропатолог, или мануальщик, или кто там еще, мать их? Дышать уже больше не могу.

– Самый лучший специалист по твоей спине – это я, – в голосе Жукова не читалось ни малейшего удивления. – Приходи, мой сладкий. Я устою тебе такие тепловые процедуры, что ад покажется ледяной Антарктидой. Ты будешь бегать как владимирский тяжеловоз и тащить на своей якобы больной спине три центнера полезного груза.

– Для кого полезного?

– Для тебя, милый, для тебя. Согласись, тебе нужна хорошая встряска. Рок-н-ролл на всю ночь. Забыл прикол, чувак? Отлежал мозги на диване? Спорю на правое яйцо Ричи Блэк-мора...

* * *

Николай не забыл ничего. Хотел бы забыть – да память у него была так устроена, что не хоронила ничего. Тем более не мог забыть он хорошего. А дружба с Илюхой Жуковым – что было в его жизни лучше?

Оба они учились в Верхневолжском Университете, несли тяготы и лишения студенческой жизни на разных факультетах. Коля – на истфиле, Илья – на экономическом. И сами они были разными – молчаливый, худой Николай, упрямый до иступления, и Илюха – тогда еще не такой круглый, но уже начинающий круглеть – живой, подвижный, штопором ввинчивающийся в любую компанию. Жить друг без друга не могли. Ругались, чуть ли не дрались, и клялись, что с этим уродом – больше никогда. И встречались снова – уже на следующий день. «Ты как, чувак?» «А ты как, Давила?» И улыбки – от уха до уха. Продирались вместе из болота обыденности по лестнице в небо. Придумывали себя, лепили совместными усилиями двух человек сразу – из двух кусков глины.

Был у них изъян, общий на двоих. Они совершенно не вписывались в комсомольскую жизнь Университета. До статуса мелких диссидентов не дотягивали, открыто не бузили, потому что плевать им было на всю марксистско-ленинскую трихомудию. Не считали они, что стоит портить нервы из-за аморфных, сто раз переделанных заветов вечно живой мумии, никогда даже не слышавшей блюза. И все равно слыли неблагонадежными.

Николай-то, ладно, еще туда-сюда. Ну, прочитал политинформацию на немецком языке – кто знает, что говорил, может, какую антисоветчину? Ну завалил работу в ДНД, стенгазете, физкультуре, сбору денег в Фонд Мира и всему, что ему только поручали. Неприятно, конечно. Если бы троечник какой-нибудь был – это вполне объяснимо. Но один из лучших на потоке – и такой откровенно аполитичный? Нехорошо, нехорошо.

Но это было просто «нехорошо» – без всяких оргвыводов. В конце концов, парень из простой семьи, тихий и достаточно незаметный. Почудачит и перестанет. Ситуация же с Ильей Жуковым тянула на большее, чем просто «нехорошо». Потому что Илья Жуков, сын крупного

партийного работника, так себя вести не должен был. Поначалу на него взвалили недюжинную общественную нагрузку, кою он и влачил полтора курса. А потом, очевидно находясь под губительным влиянием своего приятеля, тихого Коли, вдруг заявил, что с него хватит. Что, если ребятам из комитета комсомола так нравится, пусть они и выполняют все эти дурацкие поручения.

С Ильей Жуковым решили разобраться потихоньку. Чтобы не портить карьеру *будущему хорошему человеку*. Вызвали его в этот самый комитет комсомола. Сидело там всего человек пять – наиболее либеральных и продвинутых в демократическом плане. И спросили они мальчиша-плохиша строго, почему не желает он работать на общественное благо?

«А потому что никакое это не общественное благо, – отвечал мальчиш-плохиш. – Это только ваше благо, а я от этого ничего не имею, как и большинство остальных, недостаточно приближенных к вам студентов. Это просто нечестно».

«Ах ты проклятый приспешник буржуинов! – воскликнули комсомольцы. – Как ты смеешь называть нечестным великое социалистическое дело, светлые идеи, проповедниками которых мы являемся?! Да мы тебя в порошок сотрем! Из комсомола выгоним! Из Университета отчислим!»

«Стирайте! Выгоняйте! – гордо ответил плохиш, он же Давила. – Но только сперва разрешите объяснить вам, почему я считаю ваше дело нечестным. И, к сведению вашему, все эти факты при определенных условиях могут стать достоянием широкой комсомольско-молодежной общественности!»

А потом Давила стал загибать пальцы.

«Вы пьете спирт из вон того чайника, – сказал Давила и загнул первый палец. – Так проходит большая часть ваших комсомольских собраний. Позавчера Шурик Данилкин так надрался, что облевал, простите, красное знамя, и отстирать никак не удается, поскольку он закусывал сельдью в масле. – Давила загнул второй палец. – Кроме того, мне достоверны известны факты многочисленных половых сношений на вон том диване в углу. Могу привести поименный список совершавших половые акты, при желании – с указанием точных дат. – Давила загнул третий палец, хотя мог загнуть бы все пальцы на руках и на ногах – по количеству оных половых актов. – Две недели назад проведено распределение туристических путевок в Прибалтику. По невероятной случайности, полностью опровергающей теорию некоего Эйнштейна, восемнадцать путевок из двадцати пяти получили члены комитета комсомола и их политически подкованные подружки». – Давила попытался согнуть очередной палец, но это уже не потребовалось.

«Не выдавай нашу великую тайну!» – взмолились комсомольцы.

Информированность всегда была оружием Давилы, его щитом и мечом. Те, кто не принимал этого в расчет, рисковал остаться в дураках. В безнадежных дураках.

«Ребятки, – сказал тогда Давила, – вы что, думаете, что я против того, что вы здесь пьете, и трахаетесь, и в Прибалтику на халяву ездите, и анекдоты про Брежнева травите? Я и сам люблю все это делать. Только знаете, что действительно нечестно? То, что вы делаете вид, что вам это не нравится, и то, что вы запрещаете делать это нам, простым смертным, именем какого-то там кодекса строителей коммунизма. У меня есть деловое предложение: у вас – своя свадьба, у меня – своя. О'кей?»

Илью Жукова больше не трогали. Видные представители университетского комсомола делали вид, что Жукова не существует в природе. Они боялись его.

Таков был Илюха Жуков на младших курсах. И совсем уже другим – к окончанию Университета. У него и вправду была своя свадьба. Он рос, последовательно развивая собственные принципы. В свое понятие о честности он вкладывал порядок, целесообразность для общества, желание сделать так, чтобы стало лучше всем – а не только тем, кто обладает быстрой реакцией в хапании кусков. Давила сам умел хапать лучше и талантливее всех. И всегда делился с другими.

Он не был Робинотом Гудом. Просто ему неинтересно было создавать маленький благополучный микрокосм. Он стремился к большому благополучному макрокосму, в центре которого, конечно, стоял он – благодетель и носитель справедливости.

Делал ли когда-нибудь Давила что-то для себя лично? Краев попытался вспомнить. Нет. Для себя лично – нет. Давила был идеальным орудием общественного порядка и целесообразности, солдатом порядка. Он без труда анализировал любую ситуацию и расставлял все по своим местам. Он не боролся – он работал. Арсенал его средств в достижении цели был безграничным. Давила помогал слабым, если видел, что они того заслуживают, но не могут пробиться сами. Он сметал сильных, стоящих на его пути, если считал, что деятельность их вредна обществу и определяется лишь эгоизмом. Он вербовал сторонников, не считаясь с их мнением. Он искажал информацию так, что она звучала правдивее, чем чистейшая правда. И в конечном итоге добивался своего для других. В этом и состояла честность для Ильи Жукова.

Понятия «честности», бывшие когда-то общими для Краева и Жукова, разошлись в разные стороны. Краев не любил врать, не любил делать гадости другим. Давила врал и гадил. И что же в результате? Давила приносил людям пользу – добивался своего не мытьем, так катаньем. Большинство людей обожало Жукова. И его было за что обожать, Краев должен был признаться себе в этом.

Краев не врал, и потому был молчуном, чтобы не произносить лжи. Порою он начинал верить в то, что делает что-то честно и хорошо. Он делал рекламную компанию людям, в отношении которых вдруг решил, что они честны. И в результате прокладывал путь наверх очередным лгунам. И вот уже многие прежние друзья избегали общения с Краевым, называя его продажной крысой.

Давила переигрывал Краева по всем статьям. Краева не за что было любить. С женой – и то прожил всего три года. Слава богу, хоть детей не нажили, а то платил бы сейчас алименты. А так – ушла, хлопнула дверью. Крикнула: «Катись ты к черту, сухарь, ничтожество! Женись на своем телевизоре!» Слава богу. Краев никогда не жалел, что эта женщина ушла из его жизни, она не подходила ему – так же, как и все женщины, остающиеся в его постели более одной ночи. Краев хотел быть один. Так было проще.

Но сейчас Краев загнал себя в угол. Он разочаровался во всем. Решил не совершать более ничего дурного и в результате погрузился в полную бездеятельность. Остался настолько один, что жизнь его потеряла всякий смысл.

Он не хотел идти к Давиле. Он не хотел работать с Давилой. Но ему нужно было поговорить с Ильей Жуковым. Тем Илюхой, который не мог полностью умереть в Давиле.

«Я поговорю с ним пять минут и уйду, – сказал себе Краев. – И все. Ей-богу, все».

Он стал собираться в путь. Делать это становилось с каждым разом все труднее. Все труднее было открыть дверь и выйти в холодный мир, подставив душу сквознякам.

* * *

– Так, пожаловал. – Давила оглядывал Краева со всех сторон. – Как поживает твоя несчастная спинка? Лечиться будешь?

– Водкой? Нет.

– Это правильно, – одобрительно сказал Жуков. – Водка расслабляет, но она же снижает остроту интеллекта. А нам предстоит мозговой штурм.

– Я не хочу штурма, Илья, – надломленно произнес Краев. – Я не смогу тебе помочь, извини. Мне самому помощь нужна.

– Мы поможем друг другу. Я найду тебе самого лучшего специалиста в медицине, а ты включишься в нашу избирательную компанию. Выиграют все – и твоя спина, и общество.

– Илья... – Краев болезненно скривился. – Ну разве в спине дело? Душа у меня не на месте. Душа болит! Душу ведь мануальной терапии не подвергнешь.

– Душа? – Жуков задумчиво почесал переносицу. – Найдем тебе психотерапевта.

– Мне ты нужен! Ты! Мой Илюха Жуков! Ты всегда лечил меня лучше всяких психотерапевтов. А теперь вдруг занялся переустройством России. Тоже мне, спаситель Отечества новый нашелся! Тебе уже не до меня...

– А тебе до меня было? Я ведь звонил тебе – не раз и не два. А ты семь лет носу не показывал. Загордился. Ну как же – звезда московского телевидения. На звонки мои не отвечал. Списал меня из друзей? Полет у меня творческий не тот? Ну кто я такой – администратор верхневолжского пошиба. Следил я за тобой издали – радовался за тебя. Как та твоя передача-то называлась? «Природа вещей»?

– Да.

Из-за этой передачи все и началось. Все неприятности Краева.

* * *

Передача называлась «Природа Вещей». Четыре года назад она выходила на одном из центральных каналов в шесть часов вечера – неплохое время для передачи-дебютанта. Была тогда у высшего руководства навязчивая идея – повысить морально-просветительный уровень российского телевидения, вернуться к вечным ценностям. Как обычно, в ходе перестройки вещательной сетки канала временно пострадали пара мыловаренных сериалов, симпатичная ведущая новостей и злобный политический комментатор, горячо любимый угнетенным пролетариатом. Зато на место, освободившееся после хирургического удаления намертво вросшей «Рабыни Барбары» шеф-редактор с удовольствием поставил милую передачку «Природа вещей», специально изготовленную для такого случая.

Передача была сделана «под идею». И автор ее, средней молодости режиссер Н.Н. Краев, был приглашен к шеф-редактору именно с этой целью. Краев к тому времени работал на телеканале три года, неуклонно прогрессировал в телемастерстве и телекарьере. Будучи сперва на подхвате, скоро отличился способностью сделать конфетку из любого дерьма. Впрочем, эта же особенность преподнесла ему дурную услугу – в основном Краев занимался «вылизыванием» передач более маститых режиссеров.

На этот раз Краев, похоже, дождался своего часа. На канале даже пари заключали, какой будет первая самостоятельная передача Коли. Кто-то говорил, что Коля, конечно, облагается: влезет в эфир, снимет обет молчания и будет тупо трепать языком, насилуя несчастных собеседников. Иные же осведомленно утверждали, что там будет сплошная компьютерная графика – закрученные туннели в кривую сюрреалистическую клеточку, телки в сверкающих купальниках из жидкого металла, калейдоскоп фантастических фиолетовых образов, что задействованы лучшие специалисты и в это дело вбухана половина бюджета телеканала – само собой, по особому распоряжению амбициозного шефа...

Того, что получилось, не ожидал никто. Передача была научно-популярной – место такой было, на первый взгляд, скорее на канале «Культура». Вел передачу седой благородный господин в плаще – этакий русский Шерлок Холмс. Начал он с постановки некоего вопроса, а дальше начал вести собственное расследование, докапываясь, откуда ведут происхождение шестеренки в настенных часах. Несмотря на явную скучность и несовременность предмета расследования, в течение сорока пяти минут действие развивалось настолько неожиданно и разнообразно, что оторваться от экрана было невозможно. Размахивая лапами плаща, ведущий переносился в различные страны и эпохи, показывал пальцем на какие-то предметы, говорил что-то негромким, но хорошо поставленным голосом. В конце передачи случайный телезритель, захлопнув рот, обнаруживал, что первый вопрос благополучно решен, но это не имеет ника-

кого значения, потому что появились еще три нерешенных вопроса, язвками разъедающие его неудовлетворенное любопытство. Кроме того, имело место совершенно необъяснимое скопление у телятника остальных членов семьи – от сопливых недорослей до глухоненемослепой прабабушки – гуманоидов, принадлежащих к различным и несовместимым социально-экономическим слоям и прослойкам.

Мнение пожизненно объевшихся телекритиков было добродушным и почти единодушным: передача, в общем-то, «никакая», но канон выдержан, и интерес зрителей должен наличествовать. В газетах промелькнули упоминания, диапазон которых простирался от «интеллектуальной жвачки» до «безыскусного оживления заведомо мертворожденного». Н.Н. Краев не отвечал на звонки, заперся в монтажной и готовил второй выпуск передачи. Шеф загадочно улыбался и потирал руки.

Секрет удовлетворенности шефа выявился уже через неделю. Рейтинг второго выпуска превысил рейтинг первого в двадцать раз и сравнялся с передачей «Что? Где? Когда?». Коля хмуро кивал на поздравления. В «Антенне» поместили смазанную цветную фотографию седого ведущего в рубрике «Рекомендуем посмотреть». А в российских учреждениях – как государственных, так и частных, представители различных социальных групп обсуждали новые шесть вопросов, неизвестно каким оставшиеся нерешенными. Самым острым и неразрешимым был вопрос: «Почему в швейной иголке есть дырочка?»

В это же время появились признаки интереса к Краеву. Интерес почему-то в основном высказывался циничными хмырями в шершавых пиджаках – специалистами по пиару. Коля никогда не занимался рекламой – не хотел соваться в область производства синтетической субстанции для промывки мозгов. Всех хмырей, которые ловили его за рукав в коридоре и предлагали поместить на плаще ведущего рекламу мастики для паркета или сангигиенических прокладок, Николай посылал к шефу. В результате плащ удалось отстоять в невинной незапятнанности, но в передаче была введена дополнительная рекламная вставка.

Широко известный в узкой московской телевизионной среде М.Ж. выманил Краева на чашечку кофе, пообещав подкинуть творческую идейку. Для Коли это было удивительно и ново – обычно идейки выцыганивали у него. Откидывая длинные волосы томным жестом, М.Ж. сказал: «Слушай, Ник, тут у одной фирмешки энджой случился. Они – дилеры по трейду, не очень крупные, но на конечностях стоят. И тут немчура, которая ихний продакшен ляпает, решила на наш рынок двинуть. Промоушен им нужен путный, ну ты понимаешь. В плане массы. Бабки неплохие на это дело кидают. Ты сейчас в топе, Ник. Созерцал я твой релиз. Не поверишь – понравилось. Есть возможность срубить капусту. Приличную капусту. Быстро и без огласки».

«Типа?» – поинтересовался Краев. Его подташнивало – то ли от бессонной недели, то ли от трех чашек непривычно дорогого кофе, и уж безусловно – от М.Ж.

«Понимаешь, эта немецкая компаха, она – эксклюзивный изобретатель своего товара. В этом весь ключ»...

«Эксклюзивный изобретатель? – Краев недоуменно качнул головой. – Это как понимать?»

«Ну, короче, они изобрели свой товар там, в Германии. Еще пятьсот лет назад. Технология там специальная, ручная сборка, вековые традиции германского качества и прочая бодяга. Но в этом ключ! Они первые товар сделали, понимаешь? Остальные – жалкие подражатели. Значит, делаем так. Твой ведущий задает вопрос: типа, откуда эта хреновина ведет происхождение? Демонстрирует товар – родной, немецкий. Идет расследование. Выясняется – изобретено немцами, основоположник фирмы – такой-то. Его фамилия. Вот и все! Никакой открытой рекламы, заметь! И честно, между прочим! Потому что изобретено на самом деле этой фирмой. А дальше – наше дело. Мы начинаем свой промоушен товара – по стандартной схеме. На твою передачу не ссылаемся – все шито-крыто. Но уже и так все знают товар, потому что тебя смотрят все. Двадцать штук гринов – твои. Из них восемь штук отдашь мне».

Краева тошнило все сильнее. Нажил, наверное, язву желудка со всей этой телепахотой. Пивка разве что? «Будвайзера».

«Что там за товар?» – спросил он, прикрывая рот рукой.

«Ну эти... Ерши. Для чистки унитазов. Эксклюзив. Германское качество. Тебе-то не все ли равно?»

Краева вырвало. Вырвало наконец-то. Он блевал, опустив голову и широко расставив ноги, чтоб не запачкать ботинки. Метал харчи и давился от смеха одновременно. Это было странное чувство – ему еще не приходилось заниматься двумя одновременными действиями в таком экзотическом сочетании.

«Извини, – сказал он, вдоволь проблевавшись и прохихотавшись. Вытер салфеткой рот. Вытер платком слезы. Уборщица молчаливо суетилась, протирая пол, спина ее выражала презрение. – Извини. Слушай, М.Ж., как ты думаешь, пятьсот лет назад унитазы были?»

«Откуда я знаю, что там было – пятьсот лет назад? – М.Ж. раздраженно закуривал сигарету. – Были, конечно. Куда ж они срали-то, эти немцы? Какая разница? Ты согласен или нет – я не понял?»

«Нет».

«Дурак, – бросил М.Ж. – Ты просто дурак, Краев. Такие бабки... Нет, ты подумай»...

«Я дурак. – Краев снова начал неприлично давиться – то ли от икоты, то ли от смеха. – Я дурак! – Он ткнул себя пальцем в грудь. А ты – идиот, М.Ж.! Ты полный идиот, к тому же напыщенный и пошлый!»

«Ну и вали отсюда»...

Краев свалил. С огромным удовольствием. Он все чаще получал удовольствие не от общения с людьми, а от необщения с ними.

Реклама туалетных ершей позже появилась в рекламной вставке – в общепринятом порядке. Ролик занимал десять секунд. Унитазные ерши – коротко стриженные, благородные, блондинистые, как и подобает истинным арийцам, восседали там за длинным столом вместе с советом директоров фирмы. "БОЛЬШОЕ ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ЧИСТЫМ. МНОГОВЕКОВОЕ КАЧЕСТВО ОТ ОСНОВАТЕЛЕЙ ФИРМЫ «АРШ»², – гласила надпись, выполненная готическим шрифтом.

Третий выпуск краевской передачи собрал уже полстраны. Двенадцать вопросов, оставшихся после него, цепляли население острыми рыболовными крючками. О передаче заговорили везде, и все разом. На верхах нечленораздельно, в соответствии с остаточными возможностями дикции произнесли, что, понимаешь, это хорошо, потому что – несет и, понимаешь, повышает! В «Комсомольской Правде» опубликовали статью «Ходим мы по Краеву родному». Писали, что в целом традиционно, и в то же время свежо, и, конечно, есть какой-то необъяснимый секрет. И тут же раздался первый крик души. Академик Запечьев, большой спец по идеологическому вскармливанию народа еще с хрущевских времен, случайно включил телевизор в восемнадцать ноль-ноль и не смог оторваться от кресла до конца передачи – даже тогда, когда этого настоятельно требовала запущенная аденома простаты. В результате кресло было безнадежно испорчено. Запечьев выступил с гневнейшей тирадой, в котором утверждал, что современные средства перешли все рамки приличия в использовании непозволительных методов воздействия на неокрепшие российские души, и открытое вредительство масс-медиа в виде индуцированного наркотического транса в наибольшей мере проявляется в пресловутой передаче «Природа вещей». «Никакого Николая Краева в природе не существует, – писал он. – Никогда мы не видели такого режиссера, да и вряд ли увидим, ибо ни к чему зомбирующим простодушного обывателя воротилам шоу-бизнеса показывать свое лицо – слишком неприглядное, чтобы соответствовать мещанским псевдоинтеллектуальным притязаниям, насильно

² Arsch – задница (нем.).

вбиваемым в головы одураченных. „Природа вещей“ – это, скорее природа вещизма, когда подлинная тяга к знаниям заменяется телевизионным суррогатом, а российская извечная пылкость ума растворяется химическими реактивами, сделанными по американским рецептам».

И тут же облик Н. Краева промелькнул в нескольких выпусках новостей – субтильный силуэт, полуразвернутый в попытке убежать от камер, дешевый свитер, острый носик, колючие настороженные глаза. Это сработало против автора – ожидалось, что создатель передачи, повышающей тягу к знаниям и защищающей традиционные моральные устои, должен с удовольствием давать интервью и охотно теоретизировать на любую тему. Видный политический диссидент, недавно перебравшийся из-за бугра обратно на историческую родину, выступил по телеканалу, издавна противоборствующему с той компанией, в которой работал Краев. В своей длинной, но эмоциональной речи он повторил идеи академика, заменив иностранные термины древнерусскими словами. В частности, слово «реактивы» звучало у него как «изгноившиеся помои».

Четвертая передача все же вышла в срок. Рейтинг продолжал расти зловеще – как раковая опухоль. В публикациях «Природу вещей» уже открыто называли примером применения технологии массового гипноза. Николай испугался сам. Он тщательно просчитывал конструкцию передачи, но не ожидал такого убойного эффекта. Что-то он сделал не так. Перестарался.

Шеф вызвал Краева в свой кабинет. «Читал?» – с тихой яростью спросил он, выложив перед Краевым газету. «Читал». «Честно скажи – использовал в какие-нибудь технологии?» «Использовал». «Современные?» «Современнее не бывает». «Сволочь! – заорал шеф. – Да ты хоть понимаешь, что меня теперь с дерьмом съедят? Почему меня не предупредил? Ты же популярку делаешь, а не пиар!» «Вы же сказали – нужно сделать рейтинговую передачу»... «Господи... Заставь дурака Богу молиться... Ну чего ты туда навалял – нейролингвистику? Эффект связи?» «Нет». «А чего?» «Это даже не технология, – сказал Краев. – Там нет традиционных пиаровских штампов. Весь этот паблик рилейшен – сплошной обман. В моей передаче – все наоборот, в противоположность стандартным схемам. Это мои собственные наработки. Я же не думал, что так получится»... «А надо было думать! – веско заявил шеф, уже смягчаясь душой. – Собственные наработки, говоришь? Ну ладно. Даю тебе неделю для исправления. Рейтинг надо снизить раза в два. Добавь туда побольше зауми, пусть твой ведущий говорит как занудный профессор. Половина аудитории сразу отвалится. Всему вас учить надо»...

В тот же день на заседании шеф сказал, что традиционные принципы пиара морально устарели и перестают работать. И что необходимо подключение новых, нетрадиционных методик в завоевании информационного рынка. «Двадцать первый век на подходе, господа! – произнес он торжественно. – Наступает век прогрессирующей доминанты когнитивной информативности! И мы должны учесть это. Будем работать»...

И всем сразу стало ясно, что шеф знает что-то такое, чего не знает никто. Что есть у него кое-что в записке.

Пятый выпуск передачи был старательно испорчен. Ведущий был загримирован небрежно, и сразу стало видно, что никакой он не молодежавый герой, а старый актер третьего эшелона в синтетическом парике, шепелявящий из-за плохо вставленных зубов. Говорил он долго и до того непонятно, что сам запутался в терминологии. К концу передачи осталось всего три вопроса, самым сложным из которых был: «Почему бумага плоская?»

Рейтинг превзошел все ожидания. Интерактивный опрос показал, что никто не бросит смотреть передачу, даже если ведущий будет страдать гнездной плешивостью и окончательно растеряет зубы. Передача завоевала истинно народную любовь.

Шеф снова вызвал Краева. На этот раз он не употреблял ненормативной лексики, смотрел на режиссера не то что совсем по-отечески, но с хорошо поставленным выражением плохо скрываемой симпатии.

«Николай Николаевич, по-моему, ты созрел, – сказал он душевно. – Смотрел твой последний выпуск. Это уже, знаешь ли, почерк мастера. Большого мастера, не побоюсь этого слова».

Краев понял, что передачу «Природа вещей» больше он делать не будет.

«Ну сам подумай, что для тебя – какая-то ерундовская научно-популярная передача? – шеф говорил, говорил, говорил и размахивал сигаретой, пепел с нее падал на стол. – Это не твой масштаб. Я тут давно вынашивал... Сам понимаешь, где сейчас лежит перспектива... И между прочим, эти технологии уже изжили себя... И не надо быть семи пядей во лбу... Нет, это же форменная подмена предмета... Мы еще покажем всем... Небольшой отделец, но дело не в размере... Ты – наиболее подходящая кандидатура... Ты сами не представляешь, на что ты способен»...

«Иными словами, вы предлагаете мне заняться рекламой?» – встрял Краев, разорвав бесконечные цепи, коими опутывал его шеф.

«Руководством... – шеф несколько понизил голос. – Я же говорю – ты будешь руководить новым отделом позиционирования. А старый сам отомрет, как только покажет свою неконкурентоспособность»...

«Я хочу делать свою передачу! – упрямо сказал Краев. – Мне нравится ее делать. И она нравится людям. А на остальное мне наплевать».

«Да что ты заладил? Передача, передача! Другие ее сделают. Если хочешь знать, то есть тенденция»...

Краев резко встал, вмял окурки в пепельницу. «Все, – произнес он. – Увольняюсь».

Мазохистское удовлетворение великомученика окатило его волной сладостной боли. Он вдруг осознал, что действительно созрел. И достоин унижения, которое становилось для него естественным, как прокуренный воздух студии. Он повернулся и вышел из кабинета шефа.

«Природа вещей» действительно существовала какое-то время после ухода Краева из телекомпании. Делал ее неплохой режиссер. Однако передача стала напоминать инвалидный кусок старого мяса – бывшее позвоночное, из которого выдернули спинной хребет. Ее сдвинули с престижного места, затем убрали куда-то на задворки вещательной сетки. Урезали время до тридцати минут, потом до двадцати... «Природа вещей» умерла так незаметно, что никто не слышал ее последнего вздоха. Никто не поцеловал ее в холодный лоб.

А Краев пустился во все тяжкие. Теперь он был нарасхват. Однако врожденный снобизм не дал ему направиться в ту области телевидения, в которой образцом мужского начала является карамель на палочке, идеалом женской красоты – девушка, вид со спины, формой напоминающая кофейную банку, а символом безупречного вкуса и изысканности – жеванная в течение целой недели (сверхстойчивый вкус!) подушка из синтетической резины. Имелась еще одна стезя – реклама политическая. Здесь существовала иллюзия выбора для режиссера. А Краев, с его репутацией новоявленного PR-кудесника, чудаковатого, но гениального, имел право на выбор.

Он долго думал, прежде чем решиться. Нужно было сделать верный первый шаг, чтобы не брести потом всю жизнь по колесу в навозе. Как известно, навоз является продуктом естественных жизнеотправлений разнообразных скотов, и при перегнивании превращается в ценное удобрение, повышающее плодородие почвы. Но Краеву не нравился запах. Он все еще мечтал найти что-нибудь стерильное, не пахнущее.

И, кажется, он наткнулся на нечто подобное. Два начинающих политика: один московский, другой верхневолжский, один довольно пожилой, другой относительно молодой, оба бедные и безусловно честные. С точки зрения эффективного позиционирования они представляли собой продукт бесперспективный, не подлежащий раскрутке и даже просто улучшению. Ни один приличный пиарщик не взялся бы за них, дабы не портить свою профессиональную

репутацию. Ситуация отягощалась тем, что оба и не собирались обращаться ни к каким профессионалам – денег у них не было.

Краев составил досье на этих двоих. Убедившись, что оба не являются носителями социалистических атавизмов, в достаточной мере интеллектуальны и интеллигентны и проявили себя в жизни с положительной стороны, Краев решил работать с ними.

Оба кандидата были похожи на самого Краева – такие же идеалисты, заикленные на индивидуально понимаемой порядочности. Поэтому разговор с каждым из них получился душевным и мало напоминал торг продавца и покупателя. Краев загорелся. По ночам он сидел и лихорадочно писал концепции – столь нестандартные, что прочитав их, любой пиаровец покрывался бы трупными пятнами. Днем Краев колесил между Москвой и Верхневолжском, контролируя встречи своих кандидатов с избирателями, правя их интервью в прессе, натаскивая их, обучая как нужно говорить, смотреть, одеваться, ходить и сморкаться.

Кандидаты Краева не были похожи ни на кого из своих конкурентов – не сливали компромат, не обещали несбыточного, не ездили в шикарных авто с сопровождением. Но при этом не казались бедными родственниками, вылезшими из низов для установления всеобщего уравнивания. Краев разрабатывал старый образ «своего человека наверху», но по-новому. Он тщательно просчитывал, каким должен быть «свой человек» в данный момент, именно на этих выборах. Это не соответствовало общепринятым к тому времени стереотипам политической рекламы. Но это работало. Рейтинг кандидатов быстро полз вверх, они переигрывали остальных без особого труда.

Конкуренты спохватились – имиджмейкеры начали работать «под Краева», конкуренты временно поставили в гаражи свои «Мерседесы» и «Саабы». Но было поздно. Выборы состоялись, и оба кандидата прошли в Государственную Думу с впечатляющим результатом.

Краев был окрылен. Поле для его деятельности казалось безграничным: выборы вспыхивали на территории огромной страны то в одной, то в другой губернии как участки локальной энтропии. Краев привносил в них порядок – такой, какой соответствовал его мировоззрению. Он приезжал, собирал информацию, выбирал «самого честного» кандидата и предлагал ему свои услуги. Его кандидаты побеждали всегда.

Спустя некоторое время Краев начал подводить итоги и строить планы. В планы эти входило внедрение честных людей в органы власти на всех этапах, постепенная эволюционная замена ими коррумпированных чиновников, засидевшихся на своих местах и, в конечном результате, выведение страны на новый уровень нравственности и благосостояния. Николай даже придумал термин новый, пока еще для личного пользования: «Партия Честных».

Появились деньги. Большинство избранных Николая по-прежнему были изначально бедными, но теперь – странное дело – как только становилось известно, что за раскрутку кандидата принялся сам Краев, спонсоры начинали атаковать с энергией бронебойных снарядов. Николай действовал в своей привычной манере – выбирал среди них наиболее «честных», предпочтительно производителей, и принимал денежные переводы, щепетильно ведя всю бухгалтерию. Кропотливо заполнял налоговые декларации. Не комментировал грязную ложь, которая периодически выплескивалась на него средствами массовой информации. И при этом всегда оставался в тени. Не любил он шумной славы.

Еще в кабинете телевизионного шефа Николай понял, что действительно созрел. И это было правдой – созрел он быстро, но окончательно. Тогда он еще не задумывался о том, что полностью созревший плод имеет два способа дальнейшего существования – либо его едят, либо он падает на землю и подвергается гниению, неизбежному, как все природные метаболические процессы.

Краев был почти идеален. Это и оказалось причиной его душевного краха. Краева не понадобилось есть – он упал и начал разлагаться сам. Потому что те люди, с которыми он

работал, на которых возлагал надежды, перенося на них свои умозрительные представления, оказались далеко не идеальными. Кем они были? Обычными людьми.

Некоторые, правда, так и остались до конца честными. Но быстро выяснилось, что их честность и несокрушимое стремление к справедливости были скорее признаком психопатического состояния, чем нормой. Такие люди начинали войны со всеми подряд, ибо считали себя единоличными собственниками честности и справедливости. Всякий, кто выступал против их мнения, автоматически объявлялся лжецом и негодяем.

Долго такие люди у власти не держались. Политическая машина быстро перемалывала их, отправляя в стан вечно борющейся мелкой оппозиции. Краев был даже рад этому. Ему неприятно было видеть ошибки в своем выборе.

Большинство же прорвавшихся наверх при помощи Краева адаптировались на удивление быстро. Получали московскую прописку, перекраивали местную собственность, стараясь не обделить себя и бывших спонсоров, занимались текущими делами – большими и малыми. И не проявляли при этом ни малейшего желания вступить в «Партию Честных», чтобы заняться коренным переустройством страны. С Краевым, прошлым своим благодетелем, разговаривали поначалу уважительно, потом их «да» все больше становилось похоже на «нет», а затем Краева и вовсе переставали пускать на порог. Мало ли придурков достают приличных людей своими чудачествами?

Краев приелся. Неизвестно, что стало бы с его своеобразной методикой предвыборных компаний – сохранила бы она дальше свою эффективность или нет. Потому что Краев сам хлопнул дверью. Он потерял всякое желание работать, что вязкий депрессивный туман заполнил его душу, сбил его с ног и бросил его на колени. Краев, как младенец, оставшийся в незрелости до средних лет, вдруг открыл для себя простую истину: нельзя не испортиться, придя к власти. Он увидел, что система либо выкидывает людей, либо переделывает их по своему образцу.

Понимание пришло поздно. Николай оказался слишком слабым человеком, чтобы пережить крушение идеалов. Психика его рухнула, раздавленная грузом разочарования.

Николай Краев ушел в глубокое подполье и постарался сделать все, чтобы о нем забыли. Ему понадобилось полгода, чтобы подавить в себе желание отравиться или вскрыть вены. И теперь он валялся на диване и читал книжки. Продал деньги, заработанные за последние три года. Денег пока хватало.

* * *

– Я разочаровался, – уныло буркнул Краев. – Не хочу разочаровываться еще раз – тем более, в тебе, Илья.

– Ты меня знаешь, Николай. – Жуков положил руку на плечо Краева, сдавил его сильными пальцами. – Знаешь, что я не предаю. Мы должны сделать это. Вместе.

Жуков был серьезен, как никогда. Не похоже, что играл. Хотя кто его знал, этого нынешнего Жукова.

– Илюха, ты не представляешь, куда лезешь! Тебя никогда не били по-настоящему. Ты везунчик, Жуков. Думаешь, тебе будет везти всегда?

– Меня не били? – Давила зло усмехнулся. – Смотри!

Он с треском дернул рубашку вверх и Краев увидел грубый шрам. Рубец пересекал толстый живот Давилы наискось сверху донизу, вдавливал кожу уродливым багровым росчерком.

– Я полз двадцать минут до ближайшего дома, – сказал Давила, – от того места, где меня пырнули ножом. Полз по земле, заправлял свои кишки рукой в живот, потому что боялся получить инфекцию. Ты представляешь – я должен был подохнуть сразу, они были в этом уверены.

А я полз и думал об инфекции. Идиот, правда? Нашел о чем думать. Только они не рассчитали. Давила очень живучий. Живучий...

– Кто тебя так?

– Было кому... Думаешь, я из-за дурацкой прихоти бросил избирательную компанию и ушел в тень? Многим я тогда яйца оттоптал. Вначале они пытались со мной договориться. Быстро поняли, что не удастся, суки продажные. В гробу я видал такие договоренности...

– Илья... – Краев помотал головой, пытался собраться с мыслями. – Тебе что, мало досталось? Прости... Ты же умный человек, должен понимать. Это же гора! Вот что ты пытаешься сделать – сдвинуть гору. Маленький человек не может сдвинуть огромную гору. Он может выдернуть пару камней из основания, только его задавит. Задавит на хрен осыпавшейся лавиной. Я видел много людей, которые пытались сделать это. Сам был таким, дурачок. Я успел увернуться, слава Богу. Как видишь, жив. Только больше не хочу туда лезть. Нужно уметь уходить вовремя.

– Может быть, я действительно маленький человек. – Давила заправил рубаху обратно под ремень. – И ты – маленький. Но только я не один, Коля, вот в чем дело. В стране России есть здоровые силы, которые хотят развалить эту гребаную гору и построить нормальное, не уродливое общество. А еще есть знание, которое делает человека, кажущегося маленьким, равнозначным тысячам людей, знанием не владеющих.

– Знание... – Краев горько усмехнулся. – Понимаю, о чем ты говоришь. Я и есть носитель того самого знания – ты об этом? Да, я знаю, как делаются выборы. Но только не питай иллюзий, Илья – вредно это для здоровья. Деньги – вот что решает все. Те самые зелененькие доллары, столь не любимые тобой. Годовой бюджет России равен половине бюджета города Нью-Йорка – думаешь, это проявление экономического убожества? Ничего подобного! Деньги есть, но они не на поверхности. Это айсберг. Девять десятых денег страны даже не зеленые – они черные. Это очень удобно. Тому, кто контролирует реальные финансовые потоки, нет проблем быстро выдернуть миллиарды и бросить их в нужном направлении. У тебя есть такая возможность? Нет? Тогда не строй иллюзий.

– Это не иллюзии. Все возможно.

– Ничего не возможно! Такова судьба нашей страны. В российской системе тесно срослись преступность, производство, политика, финансы и все что угодно. Система устойчива, несмотря на ее кажущуюся хаотичность. В этой системе, в сущности, заинтересованы все – от королей-банкиров до старушек, продающих сигареты около магазина. Никто не хочет подохнуть с голоду. Все связано тысячами нитей – сверху донизу. Ты собираешься разрушить эту систему? И ты говоришь мне, что не питаешь иллюзий?!

– Знаешь, в чем ты не прав? – Давила яростно сверкнул глазами. – В том, что в этой уродливой системе заинтересованы все. Большинство людей приспособливается к нашему уродству только потому, что у них нет нормального выбора. Отдача от их рабского труда минимальна, они не живут, а просто влачат существование. А в противоположность им – люди, имеющие доходы выше среднего и сверхдоходы. Их число невелико, и их вовсе не нужно сажать в тюрьму. Нужно только заставить их работать на страну.

– Ни хрена! – зло выкрикнул Краев. – Ни хрена не выйдет! Кто тебе на страну будет работать? Эти разжиревшие индюки? Конечно, можно, снова ввести казарменный строй и заставить работать из-под палки тех, кто не успеет сбежать. А потом снова бороться за демократию? Ни у кого не получилось, и у тебя не получится! Это невозможно в принципе!

– Зачем ты лжешь? – Давила медленно поднимался с места, щеки его побагровели. – Ты лжешь! У кого это не получилось? У них там, за бугром, почему-то все получилось. – Давила показал большим пальцем куда-то за спину. – Немцев и англичан разбомбили в прах, города их лежали в руинах. Япошки были отсталыми, только что разве по деревьям не лазили. Итальянцы платили своей мафии, шагу не могли сделать без ее ведома. У испанцев фашистский

режим был до семидесятых годов. Сидели все в том же дерьме, что и мы. А потом взяли и вылезли! Знаешь, почему? Потому что люди нашлись! Люди, которые знали свое дело! Не рефлексировали, как ты, Краев, аморфный клубок нервов, а работали! Расчищали авгиевы конюшни. Вывозили говно – цистернами, составами. И разгребли! А мы что – хуже? Да, мы хуже! Не потому, что мозги у нас слабые. А потому что души слабые! Мы предпочитаем жить в говне, лишь бы нас не трогали. При этом хвастаемся своей выдающейся приспособляемостью! Вот возьмем к примеру тебя, Коля. Ты – типичная российская амеба, слизистый кусок как-бы-умных мозгов, плавающий по своей луже – поближе к свету и жратве, подальше от раздражающих субстанций. Да нет, ты уже не слизь, ты – гной, Коля! Гниешь живо! Смотреть противно на то, во что ты превратился. И ведь гнить тебе не нравится – это я вижу. И ты способен перестать гнить. Только никак не могу понять, почему ты упорно предпочитаешь разлагаться. Почему? Только из-за того, что тебя один раз побили?

Наверное, Краев сейчас должен был взорваться: наорать на Жукова, заставить его заткнуться. Но Краев только болезненно вздрагивал и сжимал губы. Он знал, что Жуков прав.

– Я потерял веру, Давила, – тихо сказал он. – Идеалы мои оказались блефом. Во что мне верить? В Бога? У меня не получается? Почему, Давила? Скажи мне, почему?

– Потому что ты можешь верить только во что-то конкретное. Бог для тебя – абстракция. Ты проскочил тот период жизни, когда мог поверить в Бога естественным образом, без усилия. Твоим Богом стала работа. Ты работоголик, оставшийся без основного своего допинга. У тебя есть всего два способа существования – делать что-то денно и ночью и жить, либо не делать ничего и медленно умирать. Много лет ты занимался делом и жил, но тебе надавали тумачков и ты разочаровался в своем деле. Ты выбрал второй путь и теперь умираешь. И вот я протягиваю тебе руку и говорю: живи снова! Но ты, осел, упираешься. Что ты знаешь о жизни, Краев? Ты попробовал только маленький ее кусочек, убедился, что все вокруг – дерьмо, и решил, что по-другому быть не может. А вот я тебе говорю: может! Спорим? На три пластинки Фрэнка Заппы³ ?

– А «Hot Rats»⁴ у тебя есть? – хрипло спросил Краев. Горло его сдавило спазмом.

Это было отсюда – из их юности. Вечно они спорили на две пластинки Фрэнка Заппы – раритет, найти который при советском строе было почти невозможно. Поскольку счет в выигранных спорах был примерно равный, две пластинки переходили то к Николаю, то к Илье. Но в последние годы их дружбы Давила перестал проигрывать споры. Пластинки постоянно оставались у него, и Коле никак не удавалось их отыграть. А потом это забылось – как-то само собой.

А теперь, оказывается, появился и третий диск.

– Есть, – сказал Жуков. – У меня есть почти весь Заппа. У меня даже «Uncle Meat» есть. Выбери три любые, чувак. Какие хочешь.

Он полез в шкаф, копался там минуты две, и вытащил толстую кипу пластинок. Положил ее на диван рядом с Николаем. Извлек из кипы заветный альбом, потрепанный десятилетиями непростой жизни.

– Вот он, – сказал Жуков, с любовью водя пальцами по потертым уголкам конверта. – Помнишь, как мы мечтали его послушать? Я выменял его на два «Цепелина». Еще в девяносто первом году. Но ты тогда уже не слушал музыки, чувак. Тебя это уже не интересовало.

Краев медленно взял пластинку из рук Жукова. Близоруко поднес к лицу. Пальцы его задрожали, спазм в горле, казалось, совсем перекрыл дыхание. Краев громко всхлипнул.

– Я хочу работать, – сказал он. Руки его нервно вцепились в пластинку, как в последнюю опору в этой жизни. – Ты прав, Давила. Прав, черт тебя дерит. Это – не жизнь. Но я боюсь тебя,

³ Фрэнк Заппа (1940-1993) – американский музыкант, представляющий течение авангардного психоделического рока.

⁴ «Hot Rats» («Раскаленные крысы») и «Uncle Meat» («Дядюшка мясо») – пластинки Фрэнка Заппы, выпущенные в 1969 и 1970 годах.

Давила. Ты стал совсем другим. Ты не используешь меня как половик? Не вытрешь об меня ноги, когда я стану не нужен тебе?

– Эх, чувак... – Твердая ладонь Давилы опустилась на плечо Краева. – Как ты все-таки раскис... Знаешь, я не буду слезно клясться, что люблю тебя как брата. Не потащу к нотариусу составлять договор о вечном непродаже. Потому что и то и другое – проявление мизантропии. Ты уже забыл, кто мы такие с тобой? Напомнить?

– Мы – честные немудилы, – сказал Краев. И улыбнулся – впервые за этот день.

* * *

Почему он согласился? Согласился, понятия не имея, какие цели имеет Давила и какие люди стоят у него за спиной? Только потому что Илюха точно поставил ему диагноз? Дело было не в этом. Краев чувствовал, что его распирает изнутри – то, что накопилось в нем за эти полгода, требовало деятельного выхода.

Краев не просто так валялся на диване в течение нескольких месяцев – он придумал кое-что новенькое. Жуков не мог знать что именно, но со своим чутьем не мог не догадываться об этом.

* * *

– Ну что? – спросил Давила. – Ты готов?

– Нет... Подожди... – Мозги Краева уже лихорадочно работали, сводя к единому знаменателю разрозненные блоки идей. – Не сейчас. Сейчас мне нужно отдышаться. Подумать.

– Сколько времени тебе на это нужно?

– Неделю.

– Три дня.

– Четыре.

– Пойдет!

– Пластинки можно сейчас забрать?

– Забирай.

Сделка была заключена.

ГЛАВА 5

СВЕРХДЕРЖАВА. 2008 ГОД

СВЕТЛЫЕ ГОЛОВЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рихард Шрайнер в парадном пиджаке стоял перед зеркалом и поправлял галстук. Честно говоря, мода давно уже сменилась, но вот не нравились Шрайнеру эти современные блейзеры с тремя рядами золотых пуговиц и сорочки с красными кружевными воротничками от лучших российских кутюрье. Он привык к своему серому дымчатому пиджаку.

«Я буду выглядеть немножко старомодно и консервативно, – решил он. – Немецкий учитель из провинции – бедноватый, но честный. А также безусловно интеллектуальный и даже обаятельный».

Сегодня ему предстояло одно важное мероприятие – не столько ответственное, сколько волнительное. Рихарду Шрайнеру предстояло обзавестись сопровождающим.

Это будет парень, решил Шрайнер. Довольно со Шрайнера девочек. С девушками обязательно завязываются какие-нибудь отношения, и всегда они необоюдные. То влюбится Рихард, и сразу оказывается, что он не супермен – со своим средним возрастом, неспортивной фигурой, небольшим росточком и идиотской тросточкой. Кандидатура настолько невыигрышная, что не стоит тратить на нее несколько ночей. К тому же немецкие женихи нынче не в чести в России. А если в него влюбляется девушка, то это обязательно бесформенная барышня, изнывающая от романтической глупости. В общем, сплошной мезальянс с этими девицами.

Если Рихарду навязывают гида, то лучше пусть это будет парень. Не обязательно лоцманский интеллектуал – пусть он будет шустрым, может быть даже немножко пройдохой. Пусть знает всю нынешнюю местную специфику. Ночной клуб, толика коньяка, знакомство с умной женщиной лет тридцати пяти, для хорошего разговора. Может быть, и не только для разговора...

Опять женщины. Лучше не думать о них: Герда непременно вынюхает всю подноготную.

А кто его знает, может теперь и нет тут заведений, где можно найти женщину? В России все изменилось.

Нет, должны быть. Как же без этого?

Увидим.

О том, что ему полагается обязательный сопровождающий, Рихард узнал еще в Германии – когда на запрос о поездке в Россию из его факса выполз листок с золотым тисненым двуглавым орлом. На листке сообщалось, что РФ чрезвычайно рада видеть господина профессора Рихарда Шрайнера в России, и МГУ рад видеть его в своих стенах, и ему выпала удача попасть под действие программы «Мировой русский язык», и он получает небольшой, но очень престижный грант. Сей грант означает, что ему оплатят проезд, и проживание в гостинице с завтраком и ужином, и предоставят экскурсии по Москве и в замечательный древний русский город Суздаль. И еще что он обязательно должен посетить МГУ, Факультет Международного Воспитания и провести дискуссию со студентами на любую выбранную им тему. И что, наконец, ему предоставят специального студента, изучающего немецкий, с целью...

Все это было явным недоразумением. Каковое Шрайнер и пытался разрешить, послав ответный факс, в котором с немецкой педантичностью сообщил, что он не профессор, а всего лишь преподаватель русского языка в колледже, и едет в Россию не с далеко идущими научными целями, а всего лишь для уточнения некоторых вопросов в Центральной Московской Библиотеке, и вполне в состоянии оплатить свои счета в гостинице, и вовсе не нуждается в сопровождающем, поскольку хорошо владеет русским языком, но, конечно, безмерно благодарен за проявленное к нему внимание... Новый факс из Москвы пришел буквально через два

часа. Там содержалась благодарность, за то, что ПРОФЕССОР ШРАЙНЕР принял грант МГУ. Дальше сообщалась дата и место семинара, на котором его рады были бы видеть. Выглядело это ультимативно и безоговорочно.

– К чему бы это? – спросил тогда Шрайнер Герду. – Очень уж пристальное внимание к моей скучной и серой персоне.

– Чудак, – сказала Герда. – Ничего особенного тут нет. Весь мир знает о том, что скромные преподаватели русского языка из колледжей города Франкфурта пользуются особым расположением и даже любовью великой России. Каждый раз, когда они приезжают в Россию, их просто на руках носят. Тебе повезло, Рихард – поедешь в Суздаль бесплатно.

– Был я в Суздале, – заявил Рихард. – В советское время всех иностранцев туда возили чуть ли не в принудительном порядке. Там очень много церквей. Но это еще можно вытерпеть. А вот этот обязательный провожатый... На кой черт он мне? Я просто не приду на этот семинар, обойдутся. Извинюсь потом, напишу, что горло болело.

– Чего ты возмущаешься? – сказала Герда. – Придешь, как миленький, и лекцию прочитаешь, и получишь своего гида. Со своим уставным фондом в чужой огород не заходят – так, кажется, говорится у русских? Делай, как тебе говорят – и все будет отлично. А будешь выпендриваться – точно попадешь на заметку. Русские помешаны на порядке. Только не вздумай снять там девчонку. Узнаю – убью.

– Возьму мальчика, – заверил Рихард. – надеюсь, к мальчикам ты меня не ревнуешь?

* * *

Шрайнер уже привык к мысли о том, что русские будут контролировать каждый его шаг. Странно, что за ним не прислали машину из МГУ. Может быть, проверяли на вшивость? Появится ли Шрайнер, на которого угробили кучу денег, на семинаре?

А если нет – что тогда? Немедленная депортация из России? Снятие гранта и огромный штраф на десять тысяч рублей? Публичная порка на Красной Площади? Захоронение живьем в кремлевской стене?

Шрайнер ехал в метро, придумывал для себя карательные меры и веселился. Хихикал, бормотал себе что-то под нос. Он выглядел как белая ворона – сразу было видно, что иностранец. Но люди в вагоне не обращали на него внимания, они были заняты.

Станции метро изменились меньше всего: пышные барельефы сталинской эпохи сохранились, даже подверглись тщательной реставрации. А вот вагоны уже ничем не напоминали прежние. Все здесь стало современно и комфортно – кресла, приспособляющиеся к форме тела, телевизионные экраны, вмонтированные там и сям. Никто не стоял, сидячих мест хватало на всех. Газеты и книжки, как в старые добрые времена, никто не читал. Все пассажиры пялились в безмолвные мониторы, слушали наушники коммуникаторов. Многие беззвучно шевелили губами, повторяя слова вслед за телеведущими.

Шрайнер поймал себя на мысли о том, что он чувствует себя здесь единственной одушевленной особью. Остальные были похожи на искусно изготовленные подделки под людей – то ли роботов, то ли манекенов. Окружающие лица не выражали никаких чувств. Может быть, в этом было виновато освещение вагона? Тускловатый ряд ламп на потолке, разноцветные блики отражений телеэкранов на безучастных масках-физиономиях.

Что приковывало их внимание? Шрайнер пробежал взглядом по экранам. Обычные передачи «Телероса»: утренние новости, советы по приготовлению разноцветных бутербродов, девчонки в купальниках, прыгающие в ритме аэробики. Показывали то же, что и всегда. Но, может быть, показывали этим людям то же, что и Шрайнеру, а *видели* они что-то иное? То, что не мог увидеть иностранец Шрайнер?

Шрайнер вышел из метро в подпорченном настроении.

Волнение Шрайнера усиливалось с каждым шагом, пока он поднимался по широким ступеням Московского Государственного Университета. Господи... Светлейшие головы мира работали в этих стенах. Передовые теории, сложнейшие технологии... Как его примут здесь, что он скажет студентам? «Профессор Шрайнер»... ну и сочетание. Его раскусят сразу же, определяют опытным русским глазом, что никакой он не ученый. Над ним будут смеяться. А может быть даже заподозрят в шпионаже.

Сердце заколотилось совсем уж нещадно. Шрайнер остановился, оперся на тросточку, чтобы не упасть, полез дрожащими пальцами за таблетками во внутренний карман пиджака. Пот тек по его лицу.

Рихарду было всего сорок шесть лет, однако чувствовал он себя полной развалиной. Неправильно сросшаяся нога, проблемы с позвоночником, давление, скачущее как заяц под прицелом охотника, разболтанная нервная система. Конечно, можно было списать это на последствия ударов, нанесенных безжалостной жизнью – оправдаться перед собой за слабость души, за трусливое желание спрятаться от внешних раздражителей, за непреодолимую тягу утопить свои проблемы в алкоголе.

К чему оправдания? Рихард уже сделал первый шаг. Он приехал в Россию – единственную страну, где когда-то чувствовал себя по-настоящему живым. Он вернулся. И все остальные шаги предстояло сделать ему самому.

Но эта Россия была так не похожа на то, по чему он тосковал бессонными ночами. Рихард стремился обрести потерянное прошлое, но пока не получил ничего, кроме испуга перед непонятным настоящим.

– Вам плохо?

Мелодичный голосок прозвенел у самого уха, тонкие пальцы дотронулись до плеча Шрайнера. Он вздрогнул, едва не подавился таблеткой, с трудом продавил ее в пересохшее горло. Обернулся, теряя равновесие, и удержался-таки, хотя и расставил позорно нижние конечности, превратившись при помощи тросточки в более или менее устойчивый треножник.

– Нет... Ик! Нет, ничего, не волнуйтесь... Все сейчас пройдет. Это из-за жары...

В голубых глазах девушки, которая смотрела на Шрайнера, и даже придерживала его слегка за плечо, чтобы он не рухнул наземь, было сочувствие. Искреннее сочувствие, наверное. Боже, как он выглядит сейчас? Наверное, лет на шестьдесят. Седые всклокоченные волосы, мутные глаза, бледное лицо в каплях пота. Профессор Шрайнер прибыл собственной персоной в МГУ. Сейчас он расскажет студентам о преимуществах западного образа жизни.

На редкость милая девушка. Шрайнер не мог сказать, была ли она действительно красивой, поскольку все девушки моложе тридцати, тем более славянки, давно уже казались ему гениями чудной красоты. Особенно после того, как он женился на Герде – веснушчатой длинноносой немецкой кобылке, выше его ростом на полголовы. Герда относилась к грубоватому типу людей, коих можно назвать «полумужчина» – хриплый смех, пошловатые шутки, привычный цинизм газетного репортера. Шрайнеру нравилось это. Герда понимала его с полуслова – с ней не имело смысла притворяться кем-то другим. Но порой ему хотелось более мягкого и женственного – такого например, как эта русская девушка. Хотя... Девушка выглядела странно – как, впрочем, и вся нынешняя молодежь. Волосы, раскрашенные в оттенки зеленого и выстриженные лесенкой по последней моде. Фиолетовая спираль, нарисованная на лбу. Нос с небольшой горбинкой, бледно-розовые губы без следа помады. Клипсы-наушники, по три штуки с каждой стороны, торчащие как разноцветные пиявки. Да, наверное, она не красавица. И не такая уж она женственная и мягкая...

Она просто чудо – это девушка. Она замечательная. У нее огромные глаза и пушистые ресницы.

Шрайнер вдруг почувствовал себя лучше. Намного лучше.

– Как вас зовут, милая барышня?

– Таня.

– А меня – Рихард.

Рихард Шрайнер выпрямился, испытывая желание выкинуть свою трость куда-нибудь в канализационный люк. Земля, подставившая спину под его ноги, снова стала твердой и устойчивой. Рихард Шрайнер извлек из кармана носовой платок, промакнул физиономию, тряхнул плечами, незаметно брыкнул здоровой ногой, перемещая жмуший ботинок со старой мозоли на свежее место. Не то чтобы он красовался перед этой девушкой, просто частица ее молодой энергии впиталась в него вместе с ее сочувствием. Она стояла рядом и улыбалась. И видно было: ей приятно, что этот хромой человек среднего возраста с отвратительным здоровьем не упал, не растянулся на ступенях, что он стоит и улыбается вместе с ней, и даже смущается и не знает, что сказать.

Небольшая стайка девушек, от которых отделилась птичка, прилетевшая на помощь Шрайнеру, стояла неподалеку и чирикала на своем языке, которого Шрайнер, старый общипанный страус, уже не понимал. Однако почему-то он решил, что поступок Тани является некоторым отступлением от принятого сейчас стандарта. Наверное, если бы он все-таки тукнулся носом в бетон, сразу набежал бы народ, оперативно вызвали бы «Скорую», отвезли бы его куда следует, спасли... Но вот чтоб просто так – заметить, что человеку плохо, и подойти, и спросить...

– Таня, – сказал он с чувством. – Спасибо вам. Мне уже начало казаться, что я прилетел на чужую планету. Здесь все так непривычно, люди такие странные... А вы вот обратили на меня внимание. Спасибо.

– Вы немец?

– Да.

– Герр Шрайнер? Профессор?

– Да.

Шрайнер не удивился. Он уже начал привыкать к тому, что русские видят его насквозь. Наверное, в комплект маленьких технических чудес, полагающихся каждому русскому, входит портативный рентген, встроенный в глаз и просвечивающий каждого попадающего в поле зрения иностранца.

– Мы ждем вас, герр Шрайнер. Сейчас каникулы, но мы специально собрались, чтобы встретиться с вами, послушать вас. Многие приехали из других городов.

– Но почему? – Шрайнер пытался осмыслить логику происходящего. – Вы имеете возможность свободно ездить в другие страны, Таня? Почему вам нужно прерывать свой отдых, чтобы встретиться с каким-то там бошем? Вы никогда не видели живых немцев?

– Я могу поехать в Германию хоть сейчас, – Таня улыбнулась едва заметно. – Я была в Германии восемь раз. Но это не то. Нам нужно услышать вас именно здесь. Это совсем другое.

– Что – другое?

– Герр Шрайнер! – В голосе, прозвучавшем сверху, присутствовали оттенки удивления, и радости, и даже некоторого радушия. – Гутен морген, герр Шрайнер! Очень мило с вашей стороны, что вы приехали! Мы вас ждем!

Человек, спускавшийся по ступеням, широко расставил руки – видимо, готовясь затиснуть Шрайнера в интернациональных объятиях. Поскольку человек имел цветущий возраст и сложение тяжелоатлета, Шрайнер внутренне съежился, старые переломы его костей заныли как перед дождем. Однако, достигнув Шрайнера, человек ограничился энергичным рукопожатием.

– Вадим Шишкин, – представился он, – дежурный куратор Факультета Международного Воспитания. Пойдемте, герр профессор! Все уже ждут вас!

Куратор спешил – Шрайнеру показалось даже, что молодой человек подхватит сейчас его под могучую подмышку и потащит легко, как плоскую человеческую фигуру, выпиленную из фанеры. К счастью, до этого не дошло – Шишкин проявил такт, принаравливаясь к темпу

отчаянно хромающего немецкого гостя. Они шли, и Шрайнер чувствовал себя спокойнее с каждым шагом. Его ждали здесь. А человеку нужно знать, что его где-то ждут.

* * *

С чего начать?

Шрайнеру предложили кресло, но он по старой преподавательской привычке предпочел стоять, опираясь на тросточку. Комната была просторна и уютна, за столами сидело около двадцати студентов – милых девушек, симпатичных парней. Куратор спрятался где-то на заднем ряду. В комнате не было технических излишеств, не считая пары-тройки непрременных телевизоров. Впрочем, экраны были выключены, не мешали сосредоточиться своим мельканием. Двадцать пар блестящих глаз смотрели на Шрайнера и он ощущал, как тонкие пучки рентгеновских лучей скрещиваются в его мозгу, беспрепятственно проникая сквозь черепную коробку.

Господи, что за дурь лезет ему в голову?

– Доброе утро, – сказал Шрайнер. – Очень приятно видеть столько пытливых молодых глаз. С чего мы начнем наш семинар?

– Расскажите нам о вашей стране, герр Шрайнер, – раздался голос куратора. – В этой группе обучаются будущие специалисты по Германии. Им интересно будет узнать ваше мнение о жизни в вашей родной стране.

– А что рассказывать?

– Все что угодно, герр Шрайнер.

И Шрайнер начал рассказывать. Он говорил о благосостоянии германской республики, выбившейся по уровню жизни на второе место в Европе (после России, конечно). Описывал тихие улочки провинциальных городков и сияющие зеркальные стены небоскребов. Называл цифры, свидетельствующие о восстановлении немецкой промышленности после кризиса. Коротко упомянул о проблеме турецких эмигрантов и рассказал пару анекдотов про турок. Рихард говорил об интеграции Европейского Сообщества и сожалел о дальнейшем падении курса евро. Немножко прихвастнул, заявив о создании нового эмобиля «Фольксваген» (на самом деле эта машина и в подметки не годилась «ВАЗу»). Шрайнер говорил, и говорил, и говорил, и при этом чувствовал, что все, что он говорит, давно уже известно студентам, сидящим в зале. Тем не менее они смотрели на него с неослабевающим интересом. Что получали они сейчас? Информацию какого-то другого, неизвестного Шрайнеру рода?

Шрайнер устал.

– Вот, пожалуй, и все! – объявил он. У кого-нибудь есть вопросы?

Студенты молчали.

– Вы можете задавать вопросы, мои юные друзья! – повторил Шрайнер с нервной настойчивостью.

Молчание. Стервец куратор, должный справиться с возникшей неловкостью, не подавал признаков жизни. Может, заснул там – на заднем ряду?

– Ну ладно, ладно. – Шрайнер заковылял «в народ». Все же он был преподавателем, и ему не раз приходилось оживлять аудиторию, расшевеливать ее, переводить вялое молчание в острую дискуссию. – Я буду задавать вопросы сам. – Он наклонился к одному из парней – рыжему и курносому. – Вот вы, молодой человек. Мне кажется, что вы хорошо осведомлены о состоянии дел в Германии. Как вы думаете, какие наиболее острые проблемы стоят перед германским обществом?

– Агрессия, герр Шрайнер, – сказал рыжий. – Главная проблема Германии – агрессивность людей и общества в целом. Это, впрочем, относится и ко всем остальным странам. Всем, кроме России. Вы агрессивны, герр Шрайнер. Вы сами не понимаете, насколько западное сооб-

щество агрессивно и насколько это мешает вам жить. Из этого проистекают все ваши проблемы – преступность, алкоголизм и наркомания, неконтролируемая эпидемия СПИДа, кризис промышленности, терроризм эмигрантов и неоправданно жестокие методы борьбы правительства с террористами. Жестокость порождает жестокость.

– Вот как? – Шрайнер наклонил голову. – Я кажусь вам агрессивным? Почему же? Вы боитесь, что я огрею вас по спине своей тросточкой?

– Любой иностранец агрессивен. Извините, господин профессор, мне не хочется вас обижать, но это так. Это не ваша вина, но ваша беда. Вас интересует причина процветания России? Вы ведь приехали, чтобы узнать, как стал возможен такой быстрый рост благосостояния? Вот вам ответ, господин профессор: в русских нет агрессивности, они не способны причинить зло другим людям. Вам может показаться скучным такое существование: невозможно ударить другого, совершить подлость, оболгать ближнего своего во имя собственной корысти или карьеры. Я видел много иностранцев, и большинству из них это казалось непривычным, даже неприемлемым. Но это наш способ существования. Для нас это естественный образ жизни. А результат... Вы сами можете видеть результат, господин профессор. Я думаю, выводы очевидны.

– Так-так... – пробормотал Шрайнер. – Значит, вы, русские – совершенные люди. Можно даже сказать, новый вид людей. Уже не Гомо Сапиенс, а что-то выше... А что же делать нам, несовершенным? Вымирать потихоньку? Истреблять друг друга? И наблюдать, как неагрессивная, сверхцивилизованная Россия надменно смотрит из-за своего забора на нашу деградацию и не вмешивается ни во что? Знаете, в чем проблема, молодой человек? Земной шарик маленький, он у нас с вами один на всех. И если пара-тройка стран-психопатов все-таки начнет войну с применением самых совершенных средств уничтожения, планета станет непригодна для жизни, в том числе и для русских. Это может случиться очень скоро.

– Все в руке божьей, – произнесла девушка, что сидела с рыжим за одним столом. – Бог не допустит гибели людей, детей своих любимых. Конечно, люди грешны, погрязли в пороках и самолюбовании, войнах и ненависти. Но если существует Россия, значит, возможно возвращение к идеалам Учителя. Любовь и терпение, спокойствие доброй силы, непротивление злу и уничтожение агрессивности.

– Учитель? – Шрайнер изумленно открыл рот. Это было что-то новое для него. – У вас, русских, есть Учитель? Кто это? Иисус Христос? Лев Толстой? Николай Рерих?

– Все это разные воплощения Учителя. Главное состоит в том, что Учитель снова среди нас. Он так же мудр и добр, так же ведет людей к терпению и любви. Вы увидите его, когда он придет к вам. Вы согласитесь с его правдой. Иначе быть не может.

– Я, конечно, уважаю вашего Учителя, хотя вы и не открываете его имени, – сказал Шрайнер, чувствуя, как по спине его бегут мурашки. – Но почему вы присваиваете себе право решать за нас, обитающих за пределами России? Да, мы несовершенны, мы агрессивны. Но стремление защитить себя и ближних своих от враждебных окружающих сил является неотъемлемой частью человеческой природы. Агрессивность, наверно, можно уничтожить. Но я не знаю, как сделать это. Агрессивность – внутренний монстр, который зарождается в людях сам по себе, независимо от их желания. И я не уверен, что может существовать сила, которая не только уничтожит эту самую агрессивность, но и сумеет после этого защищать человечество, лишенное естественной способности обороняться от врагов.

– Мы уже существуем, господин профессор, – очень серьезно произнес молодой человек. – Мы – люди огромной страны, которая изменит жизнь человечества на всей планете. Мы не можем захватить ваши страны и заставить вас жить без ненависти и стремления к разрушению – это противоречило бы нашим принципам. Но вы сами придете к нам. Не верьте тем, кто называет нас надменными. Мы смотрим на вас с любовью и надеждой. Любой человек нашей планеты заслуживает лучшей доли. Любой несет в своей душе ростки добра – нужно только дать им взрасти. И мы знаем, как сделать это.

Шрайнер начал понимать, что означает таинственное сочетание «Факультет Международного Воспитания». Перед ним сидели будущие специалисты по перевоспитанию немцев.

– И как же вы это сделаете? Какая-то особая система воздействия на психику? Электроды, вживленные в мозг? Принудительное изгнание бесов? Добрый волшебник с электронной палочкой? Что у вас там? Раскройте секрет! Не верю я в то, что полностью сформировавшегося человека можно перевоспитать...

Шрайнер лукавил. Он помнил таможенника – идеального, добросовестного офицера, бывшего рабителя и убийцу. Можно, оказывается, перевоспитать и такого. Восемь лет прошло, всего восемь лет... Что они сделали с людьми?

– Это сложная система, господин профессор, – произнес один из студентов. – Система осознания человеком своей внутренней сущности. Поверьте в ней нет никакого принуждения. За последнее пятилетие в Российскую Федерацию эмигрировало двести тридцать пять тысяч немцев – ваших бывших соотечественников. Они прекрасно адаптировались в нашей стране и стали ее полноценными гражданами. Они счастливы здесь. Вы можете встретиться с любым из них, поговорить с ними. Не думаю, что хоть один из них пожалуется вам на принуждение или методы психического воздействия. Это совершенно естественная система, герр Шрайнер. Учитель дал ее нам, русским, но это подарок всему человечеству. Человечество должно им воспользоваться, и скоро сделает это. Наш мир придет к спасению. Через две тысячи лет после пришествия Христа люди наконец-то смогут осмыслить те простые слова, которые произнес он в своих проповедях.

Рихард растерянно обвел глазами аудиторию. Он был закален в словесных баталиях, был намного старше этих юнцов, но чувствовал себя как студент на экзамене. Как мальчишка, не выучивший предмета, и более того – не имеющий представления о том, какой предмет пришел сдавать. Молодняк без труда укладывал Шрайнера на обе лопатки, и он не знал, как обороняться. И еще: внутренний голос подсказывал ему, что что-то не так. Не мог битый жизнью Шрайнер поверить в добрую сказку, пусть даже аргументированную теорией и практикой. Рихард Шрайнер верил только в страшные сказки.

– Спасибо, – сказал он, и поклонился, насколько позволил больной позвоночник. – Спасибо вам, молодые люди. Теперь мне есть о чем задуматься.

* * *

Куратор Шишкин и Шрайнер пили чай. Решали организационные вопросы.

– Нам нужно отпустить студентов, герр Шрайнер, – сказал куратор. – Им пора ехать домой, но они ждут, пока вы выберете одного из них. Тот, кого вы выберете, будет приезжать к вам в течение десяти дней в гостиницу и будет вашим, так сказать, гидом. Я думаю, вы узнаете от него много нового, получите ответы на многие вопросы. Кроме того, для этого студента будет полезна практика общения с немецким работником интеллектуального труда. У нас еще остаются неясными многие аспекты германской системы воспитания.

– Давайте не будем мучить студентов, – предложил Шрайнер. – Отпустим домой всех. Пусть отдыхают ребятки, я прекрасно обойдусь без гида.

– Это невозможно, – произнес Шишкин таким тоном, что стало ясно, что обсуждению сие не подлежит. – Я рекомендовал бы вам Дмитрия Померанцева. Это тот худощавый молодой человек в очках, который говорил с вами последним. Очень приятный и умный парень.

– Я хочу Таню, – сказал Шрайнер. – То есть... Простите, это мой плохой русский язык... Я выбираю гидом студентку по имени Татьяна. Не знаю ее фамилии.

– Татьяна Аксенова. – в голосе куратора прозвучало нечто, заставившее Шрайнера догадаться, что он выбрал наименее желательную кандидатуру. – Герр Шрайнер, извините... Как

бы вам сказать... Согласитесь, я лучше знаю своих студентов. Я вас уверяю, что Дима Поме-ранцев – самый лучший...

– Мне подходит только Татьяна Аксенова! – заявил Шрайнер, все больше убеждаясь в своей правоте. – Что такое там с этой Аксеновой? Она неблагонадежная? У нее есть зачатки неизжитой агрессивности? Может быть, она – потенциальный чумник?

Шрайнеру показалось, что куратор вздрогнул. Шрайнер все-таки достал его, пиннул в уязвимое место.

– Нет, что вы... – торопливо сказал Шишкин. – Таня – замечательный человек. Она будет вашим гидом, герр Шрайнер.

ГЛАВА 6

РОССИЯ. 1999 ГОД. ИЮНЬ

ВЕЛИКИЕ ДЕЛА РЕШАЮТСЯ В БАНЕ

Когда Краев снова пришел к Давиле, план в его голове сформировался окончательно. Однако Давила не стал выслушивать Краева. Он страшно спешил – натягивал на ходу плащ, кидал в сумку бутылки, полотенца и мочалки.

– Здесь – ни слова! – заявил он. – Здесь нас могут подслушивать. Сейчас едем в одно место, там и поговорим.

– Какое еще место?

– Хорошее место. Сам увидишь.

Во дворе их ждал военный «УАЗ». Давила плюхнулся на заднее сиденье, Краев притулился рядом. Он был несколько озадачен.

– Поехали! – скомандовал Давила шоферу. – На пятый спецобъект.

* * *

Пятый спецобъект был окружен высоким забором, на глухих железных воротах не имелось надписей, позволяющих определить его назначение. Но, поскольку объект охранялся автоматчиками в форме, догадаться о военном его назначении было нетрудно.

Они прошли через проходную, дежурный лейтенант отдал Давиле честь.

– Все нормально? – кивнул Давила офицеру.

– Так точно, Илья Георгиевич! Все готово.

Похоже, из малого солдата порядка Жуков дорос-таки до генерала. И сейчас он демонстрировал Краеву свои возможности. Хотя пока это не производило на Краева особого впечатления – он не слишком жаловал военных.

Они проследовали по длинному коридору. Окна были забраны толстыми решетками. Железные двери лязгали, закрывались за ними одна за другой, отрезая путь к отступлению.

– Куда ты меня ведешь, Илья? Может, объяснишь все-таки?

– В сауну! – хохотнул Жуков. – Попаримся немножко, а заодно о делах покурлыкаем. «Будвайзера» поьем! А ты куда думал? В камеру пыток?

Нельзя сказать, чтобы Краев был большим любителем сауны. Но после двух походов в парилку, четырех бутылок «Будвайзера» и сеанса массажа, проведенного тихим человеком азиатской внешности, Краев разомлел и подобрел. Он сидел, завернутый в огромное махровое полотенце, спина его не болела – впервые за два последних месяца. За одно это ощущение можно было отдать многое.

– Ну, начнем? – краснолицый, пышущий жаром Давила взгромоздился на скамью, водрузил локти на дубовый стол. – Я тут кое-что продумал, изучил наш предмет. Паблик Рилейшен, так сказать. Прочитал пару книг на эту тему, с кое-какими специалистами переговорил...

– Значит, так, – медленно произнес Краев. – Если я увижу в вашей команде хоть одного паршивца из тех, кто называет себя специалистами по пиару, ты меня больше не увидишь. Делай свою компанию сам.

– Да почему? – опешил Жуков. – Ты ведь и сам такой специалист!

– Я не специалист по пиару. Запомнил? Знаешь, в чем состоит сущность пиара? Вот представь: предположим, в одном округе – десять кандидатов на одну избираемую должность. Естественно, со всеми работают специалисты. Они говорят кандидатам всякие умные слова – убедительные и абсолютно непонятные. Все десятеро кандидатов платят своим специалистам

платят бешеные бабки. А выигрывает только один. Вопрос: что делали остальные специалисты? Ответ: получали деньги на халяву.

– Ну, наверное, выигрывает все-таки тот, у кого самые лучшие профессионалы? И кто денег больше всех вбухал в предвыборную компанию?

– Ничего подобного. Специалисты у всех одни и те же. И бабки со всех берут одинаковые – по преysкуранту. Кроме того, все эти специалисты друг друга знают, пиво пьют вместе в бане, вот как сейчас мы с тобой. Обсуждают своих козлов-клиентов. И обмениваются информацией. Видел я, как все это делается.

– Ничего не понимаю! – Давила почесал мокрую лысину. – Слушай, Краев, но ведь твои клиенты всегда выигрывали, хотя они были самыми бесперспективными из всех. Значит, существование предвыборных технологий возможно, а ты – самый лучший специалист из всех!

– Знаешь, почему мои клиенты выигрывали? – спросил Николай. – Потому что они были самыми перспективными из всех! Только никто этого не понимал. Потому что у моих клиентов не было бешеных бабок, а у нас принято все мерить на деньги. А мне плевать было на деньги, я выбирал тех клиентов, которых хотел. Я брался именно за них – самых лучших, только бедных! И все, что я делал – это грамотно подчеркивал их хорошие качества. Дело не во мне, дело в клиентах.

– А что же делают все эти имиджмейкеры?

– Гребут бабки, занимаются кипучей деятельностью по производству видимости работы. Дают ценные советы: если ты носишь красный галстук, обязательно сменить на желтый или в синюю полосочку. Если у тебя зачес правый, то сменить на левый. Или наоборот. Но главная работа – это слив компромата. В профессиональной среде слив компромата как бы не очень уважается, все бьют себя в грудь и клянутся, что работают только чистыми методами, в отличие от конкурентов. Но на самом деле сейчас это единственный метод борьбы. Компромат даже не собирают, как это было раньше, его просто придумывают – и чем тупее, тем лучше. Для нашего тупого электората – в самый раз.

– Ты меня вконец запутал. Для чего же тогда нужны тогда предвыборные специалисты?

– В основном для отмывания предвыборных денег. Если у тебя есть источник, откуда можно скачать деньги, чтобы присвоить их себе, списав на пиар, толк в специалистах есть. Также есть толк, если кандидат – такое дерьмо, что единственный шанс выиграть – показать, что остальные кандидаты еще большее дерьмо, чем он сам. И то и другое нас не интересует.

– Так с чего же начать?

– Я же тебе сказал – с кандидата. Нам надо подобрать правильного кандидата и работать с ним.

– Кандидата куда?

– В президенты Российской Федерации.

– В президенты? Президенты России?! Ну ты замахнулся, брат!

Невероятно, но Давила растерялся. Похоже, он не был готов к такому масштабу.

– А ты чего хотел?

– Ну в Думу, естественно. Протащить туда несколько наших человек. А дальше начнем более активную деятельность – потихонечку, полегонечку.

– Это фигня. Можно зарегистрировать кандидата, даже провести его в Думу, но это ничего не даст. Я уж и не помню, сколько человек я протащил в отстойник, называемый парламентом. Если ты действительно хочешь изменить что-то в системе, есть только один путь, хотя и весьма иллюзорный. Нам оставлена одна лазейка – как пережиток демократии. Это выборы президента. Они всеобщие и одноразовые. Их труднее подделать.

– Нет, нет... – Давила удрученно покачал головой, затеребил запотевшие от волнения очки. – На президента мы не потянем. Это ж какую силу нужно иметь за спиной! Следующий президент давно запланирован сверху... Ничего не выйдет.

– Вот тут ты ошибаешься. Вспомни историю: на фоне бюрократических мирных смен власти неизбежно происходят резкие повороты, и почти всегда после этого на троне оказывается провинциал, а не ставленник прежних властей. Вспомни: малочисленные большевики во главе с картавым лысым Лениным скидывают династию Романовых. Сухорукий грузин Джугашвили расстреливает весь съезд, убивает самых уважаемых в стране людей, и никто уже больше не смеет ему перечить. Бывший прораб из Свердловска Ельцин валит Горбачева. Председатель колхоза Лукашенко обыгрывает на выборах тех, кто полностью уверен в победе. Иллюзией является то, что нужны огромные силы и средства. На самом деле нужен человек, и особый путь этого человека. Учти – эффект новизны может сработать только один раз. А дальше все зависит только от этого человека, и от того, с какой командой он будет работать.

– И кто же будет этим человеком? – спросил Давила? – Кто будет нашим кандидатом в президенты? Я, что ли?

Видно было, что ему отчаянно не хочется идти в президенты. И уже этим он был приятен Краеву. Если бы Давила стал рваться в президенты, Николай бросил бы эту затею сразу.

– Нет, ты не подойдешь, – сказал Краев. – Ты мог бы завоевать немало голосов, есть у тебя харизма. Но на президента не потянешь. Во первых, ты слишком толстый и умный, Давила, отощавший народ за такого не проголосует. Вспомни, как прокатили Гайдара. Во-вторых, ты – принципиальный антикоммунист. Это тоже распугает электорат. Ты не подходишь.

– Слава Богу. – Жуков облегченно вздохнул. – А кто тогда?

– Слушай по порядку. Есть у меня идея. Не знаю, сыграет она или нет. В принципе, она достаточно безумна, чтобы оказаться действующей.

– Снова какая-нибудь суперпередача?

– Только не это. Ты же знаешь, в чьих руках находится телевидение. Телеэфир нам зарубят сразу же, как только увидят, во что это выливается. К тому же телевидение безумно дорого, мы это не потянем. Нам нужно сделать финт хвостом – исподтишка, нетрадиционным способом, чтобы никто не воспринял это всерьез. А когда свершится, нашим противникам будет поздно что-то предпринимать – миллионы избирателей уже будут заражены нашей идеей. И чем больше будет давление на них со стороны тех, кто довел нашу страну до нынешнего состояния, тем больше они будут убеждаться, что эти идеи правильные. И будут голосовать за нашего человека.

– Ну? – Давила уже прыгал от нетерпения. – Что это такое?

– Книга. Некий человек должен написать книгу. Он станет невероятно популярным писателем. Люди будут смотреть ему в рот, молиться на него. А потом этот человек станет президентом.

– Книга? – разочарованно протянул Давила. – Да кто сейчас читает книжки? У тебя другой идеи нет – попрличнее?

– Книжки читают. Между прочим, книга – куда лучший уход в себя, чем телевидение. Когда ты лежишь на диване и читаешь буковки, никто не может залезть тебе в мысли. Это более интимный процесс. И более воздействующий.

– Кто сейчас покупает книжки?

– Наш народ любит читать – приучен к этому еще со времен советской власти. Книжки покупали бы больше, если бы не нынешние завышенные цены. Сейчас обычный тираж популярной книги – тысяч десять-двадцать. А, к примеру, в восьмидесятых годах минимальный тираж для такой же книги был сто тысяч. И пятьсот тысяч было делом вполне обычным. У небольших тиражей есть две основные причины. Первое – люди объелись всем, им нужен свежачок. Второе – низкая покупательная способность населения. Обе эти проблемы мы решим. Во-первых, это будет такая книга, которую никто никогда не читал. О ней будут ходить легенды, ее будут мечтать купить все слои населения. Каждый будет находить в ней что-то свое. Во-вторых, книга будет стоить очень недорого. Она разоидется фантастическим тиражом при

копеечной стоимости. Она будет лежать у каждого россиянина на тумбочке как Библия. На это и пойдут наши деньги. И поверь мне, это будет стоить на порядок дешевле, чем стандартные предвыборные телекомпании.

– И о чем же будет эта книга?

– Точнее, три книги. Первая будет обо всем: о любви, о добре и зле, о красивой девушке и мужественном человеке. То есть ни о чем, как и моя передача когда-то. – Николай усмехнулся. – Должен тебе признаться, что эта книга будет не столько написана, сколько *изготовлена*. Она будет многослойной, в ней каждый найдет что-то свое – и сантехник, любитель портвейна, и девушка, мечтающая о сказочном принце, и интеллигент, лелеющий свои моральные принципы. Книга будет сделана по стандарту массовой литературы, и в то же время там будет интеллектуальная подкладка. Эта книга должна быть правдивой и суровой, нежной и романтической... Единственный, пожалуй, кто будет шокирован такой книгой – профессиональный литератор. Он сразу поймет, что она не просто написана, а изготовлена. Но пока он разберется, в чем состоит технология патологической притягательности сего текста, пройдет несколько лет. Поэтому мнение литераторов не учитывается. В конце концов, писатели составляют не такой уж большой процент населения.

– Это понятно. – В глазах Давилы появились искорки интереса. – А дальше что?

– Алгоритм такой: мы выпускаем нашу книжку сами, не надо нам никаких крупных издательств. Красивое оформление, низкая цена, индивидуальная работа с продавцами на книжных развалах, умелая реклама в центральной прессе. Начинается тихий ажиотаж. Книжонка интересная, все хотят ее почитать – вот и все. Дополнительные тиражи идут один за другим. При этом – никакой политики. Просто некий писатель, который пишет «за жизнь», неожиданно стал очень популярен. В это же время – первый натиск мелких неприятностей. Профессиональные шакалы-критики разносят нашу книжку в пух и прах: за пошлость и элитарность, за вульгарность и утонченность, за потакание плебейскому вкусу и элитарную заумь. Кто это, мол, вторгся без спросу в нашу среду? Пусть порезвятся. Это добавит нам популярности – по моим расчетам, процентов на двадцать. Начинаются наезды людей из издательского бизнеса, или бандитов, или и тех и других. Предлагают нам, образно говоря, крышу. Тут на сцене должны появиться твои анонимные представители вооруженных сил и внятно объяснить ребятам, что участок уже застолблен.

– Это понятно... Сделаем.

– Дальше мы должны начать свою организационную деятельность. Создать собственный издательский дом. Не ради денег. Мы должны быть независимы.

– Фантастика, – пробормотал Давила. – Звучит привлекательно, но это фантастика.

– А твои амбиции перевернуть всю страну – не фантастика? Слушай дальше, Илья Второй этап – выходит вторая книжка, продолжение первой. Все дружно тащатся – вторая книжонка еще лучше первой. Тут происходит первое явление автора на свет. Интервью в самых тиражных газетах, съемки в самых престижных телевизионных передачах. Наш писатель оказывается открытым, умным, душевным. Широкие массы в первый раз видят его лицо, и это лицо им нравится. На данном этапе необходима умеренность – наш писатель станет известным всем, но не должен примелькаться. Необходимо рассчитать все правильно по срокам, с точностью до дня. И вот сюрприз – незадолго до окончания регистрации кандидатов какая-то группа, скажем так, почитателей, выдвигает его в президенты. Славный наш писатель будет зарегистрирован в последний момент, едва успеет прыгнуть на уходящий поезд, но обойдется без особых эксцессов. Ведущие кандидаты в президенты отреагируют слабо: тоже, мол, еще писателюшка нашелся – ни больших денег, ни поддержки олигархов. Кое-кто, поумнее, предложит ему коалицию. Но наш писатель добродушно отвергнет это. Не надо, мол, ребята – чудую я и так победу.

– Хорошая сказка. – Жуков вытер пот с лица полотенцем. – Но реалии могут оказаться разочаровывающими. При самом лучшем раскладе твой писатель мог бы стать вторым. Но первым – никогда.

– Ты не дослушал. Начинается самое интересное. Буквально через неделю после регистрации кандидатов выходит новая книжка – третья. И последняя. Больше и не надо. Потому что она добьет тех, кто еще колебался.

Учитывая важность момента, Николай мог бы вскочить сейчас на ноги, рубануть кулаком по столу. Но он говорил спокойно, без малейшей экзальтации. Не было в глазах его фанатической убежденности. Он сухо излагал дело.

– Ну и что это за книга такая третья? – сипло спросил Давила.

– Книга о будущей России. Фантастический роман о том, какой Россия будет через десять лет. Назовем его, предположим, «Сверхдержава». Богатая страна, процветающая на фоне жуткого экономического кризиса Запада. В книге – минимум политики, минимум экономики. Это просто сказка – красивая, но в то же время невероятно убедительная. Представляешь, доллар рухнул, иностранцы готовы удавиться за рубли. Освоенный, комфортный и даже престижный российский север. Сибирь, по сравнению с которой Арабские эмираты с ее нефтью и шейхами – просто ночлежка для нищих. Ухоженная Москва – монорельс, особое покрытие на дорогах, дома с каскадами садов на стенах. Никаких бездомных и пьяниц. Люди России – милые, благородные, сильные и даже героические. Терпеливость и спокойствие россиян. Парочка недобитых, но бессильных врагов, тянущих страну в прошлое – в конце романа они перевоспитываются. Главный герой книги – иностранец, предположим, немец. Он интеллектуал, профессор. Он приезжает в Россию, смотрит и завидует. Сперва не доверяет всему. Ему кажется, что он попал на другую планету. Он думает: «Так хорошо быть не может, меня в чем-то накалывают». А потом перевоспитывается. И остается в России навсегда.

Книга эта становится супербестселлером. Что-то вроде «Унесенных ветром», только на российский манер. Она зацепит самые нежные струны в постсоветской душе: ностальгию по советскому великому прошлому, ностальгию по великому российскому будущему. Конечно, этот роман не понравится многим, но он должен понравиться БОЛЬШИНСТВУ! Он будет изготовлен так, что понравится статистическому большинству российских людей – процентам шестидесяти.

– Ты хочешь сказать, что это возможно? Чтобы одна и та же книжка с фантастической сказкой понравилась шестидесяти процентам населения гигантской страны? Люди устроены по-разному, для каждого социального слоя нужен свой подход.

– Вспомни мою телевизионную передачу. Знаешь, сколько людей ее посмотрело ее наиболее популярный выпуск?

– Сколько?

– Восемьдесят три процента потенциальных телезрителей данного канала.

– Невероятно! – Давила хлопнул ладонью по колену. – Невероятно! И ты думаешь, что такой успех можно повторить?

– Можно, только нужно все правильно сделать. Учесть даже самую малейшую мелочь. И это еще не самое трудное. Знаешь, что важнее всего? Нужно быть честным. Если в голосе твоём появится хоть нотка фальши, все рухнет. А знаешь, как сделать так, чтобы этой фальши не было?

– Как?

– Нужно действительно верить в это. Верить! – горькая улыбка появилась на губах Краева. – Нужно знать, что мы работаем не для того, чтобы получить власть и нахапать как можно больше. Я люблю Россию, я люблю людей, которые в ней живут. Я хочу, чтобы они жили достойной жизнью. Более того – хочу, чтобы они получили все то, о чем они прочитают в этом романе! Чтобы их мечты осуществились. Илья, я прочитал твою экономическую концепцию –

выглядит она привлекательно, но не менее фантастично, чем мой предвыборный план. Скажи мне, Давила, это не бред собачий? Твои экономические выкладки возможно осуществить? Ты не обманул меня?

Давила собрался было вскочить, закричать, да что ты, да конечно, как ты мог допустить, что я врал или думал о собственной выгоде, да я так же точно радею об общем благе... И вдруг понял, что все это будет лишним. Будет той самой экзальтированной фальшью, столь неуместной в их разговоре.

– Еще как возможно, Николай, – сказал он. – Это будет дьявольски тяжело сделать. Но если со мной будут такие люди как ты, мы сделаем это.

– Хорошо... – Краев устало закрыл глаза, помассировал веки. – Извини, не спал ночью. Так вот, дальше... Писатель наш заявляет просто и незатейливо: «Вы читали мою „Сверхдержаву?“ Если вы меня выберете, то все будет так, как написано в этой книге. В моей команде есть люди, которые знают, как это сделать». Проходят теледебаты, в которых оплаченные профессионалы телевизионного уничтожения пытаются стереть его в порошок. Наш кандидат кладет их на обе лопатки со спокойной улыбкой – он умнее любого из них, он мастер словесной игры, они не в состоянии опровергнуть его простую, но убедительную логику. Продажные рейтинги дают ему довольно небольшой процент поддержки избирателей, но в это же время обнаруживается вещь, очень неприятная для нынешних хозяев нашей страны: истинный рейтинг писателя, просчитанный независимыми аналитиками, выходит на первое место в стране. Идет мутная волна компромата. Но уже поздно, до выборов остается всего три недели. А для того, чтобы компромат начал по-настоящему действовать, нужно как минимум недель пять. А пока компромат оказывает противоположное действие – популярность нашего кандидата растет. У нас любят гонимых.

А еще дальше начнется черт знает что. Последний этап будет очень трудно выдержать. На этом этапе нужно просто выжить. Наш писатель безусловно будет подлежать отстрелу, и поэтому в последние недели ему придется уйти в подполье. Его нужно надежно спрятать и охранять. Наши активисты будут распространять его книги. Книжки, книжки, книжки... Миллионы книг – уже бесплатно. И миллионы избирателей – в том числе тех, что обычно не ходят на выборы. На этот раз нужно сделать так, чтобы они проснулись и пришли, проголосовали за своего любимого писателя.

– Господи... – пробормотал Давила. Физиономия его сменила цвет от красного к бледному, руки метались по столу, не находя себе места – жажда деятельности полыхала в Давиле неугасимым пламенем. – Так... С чего мы начнем?

– Твое дело – деньги и силовое обеспечение. Нам нужны будут надежные кадры – лучше из действующих военных. Из нынешних силовиков они наиболее бедны, и в то же время наиболее честны и принципиальны. Без них нам быстро свернут голову.

– Насчет этого не волнуйся, – сказал Давила, переводя дух. – Есть, конечно, у меня такие люди. Без этого и затевать бы ничего не стоило. Спрячут тебя, Коля, надежнейшим образом. Прикроют так, что и с авиацией тебя не отобьешь.

– А причем тут я? – искренне удивился Николай.

– Я так полагаю, что ты и есть этот писатель. Ты же книжку будешь писать? Тебе и президентом, стало быть, становиться.

– Увольте, – заявил Николай. – Такой геморрой мне ни к чему. К книжке я руку, естественно, приложу, потому что нужного эффекта без меня не получится. Но в президенты не полезу, не по сеньке шапка. Я же тебе ясно сказал – президентом станет писатель.

– И кто же этот писатель?

– Не знаю. Пока не знаю.

– Детский лепет! – вскипел Давила. – Так дела не делаются! Будущий президент России – и неизвестно кто?! Человек с улицы? Нет, как ты себе это представляешь? Мы приходим

к человеку, говорим: «Слушай, дорогой ты наш писатель, глыба ты человеческая, молодой штурман будущей бури, очень ты нам, понимаешь, понравился! Ты – самый честный, поэтому ты нам подходишь для того чтобы обмануть всю страну. Мы за тебя три романа напишем, мы тебя президентом страны сделаем! А ты, если выживешь, будешь нас потом слушаться, как паинька. Будешь делать все, что мы велим, и собственных амбиций проявлять не будешь. И тогда будет всем очень хорошо – и нам, и России».

– Я не умею писать романы, – сказал Николай. – Их напишет этот писатель, я их только переделаю. А человека мы найдем. Это архисложно, но куда нам деваться? Нужно только знать технологию поиска. А я ее знаю. Вернее, ее знает человек по фамилии Бессонов. Он психолог, и он войдет в нашу команду. Он разработал уникальную систему тестирования личности. Ты ведь, кажется, собираешь гениев под свое отеческое крыло? Вот тебе еще один гений. Будешь потрясен, когда познакомишься с ним. Кстати, как там наш Эдуард Ступин поживает? Ты ведь на его денюжки собираешься вести компанию?

– Об этом не беспокойся, хватит нам и денег, и спонсоров, – уверенно заявил Давила. – А от Эдика тебе большой привет, ты ему понравился. Эдик в порядке. Работает вовсю, только уже не в своем «Интерфаге», конечно. Нечего ему там делать.

– А где?

– Секрет. – Давила приложил палец к губам. – Наш Эдик уже ушел в подполье. Слишком ценна его голова. Нельзя позволить, чтобы в нее стрельнули по дури какие-нибудь мелкие глупые преступники. Эдик очень нужен нам.

– Какие-нибудь технологии?

– Естественно, куда сейчас без них? Мы отстали от Запада, но не безнадежно. Наше преимущество в том, что все то, что было придумано и изобретено за последнее десятилетие, не выплыло на поверхность. Никто об этом не знает, а узнали бы – не поверили, что такое возможно. Наш потенциал – новые технологии, изобретенные в России. «Сверхдержава», говоришь? Будет тебе Сверхдержава!

Давила повернулся спиной, скинул простыню со своих могучих плеч и бодрым шагом отправился в парилку.

ГЛАВА 7

СВЕРХДЕРЖАВА. 2008 ГОД ПОВАЛЬНАЯ ТРЕЗВОСТЬ

Ярко-зеленый эсмобиль мчался по автостраде, ведущей в Москву. Прозрачные летние сумерки уже начали густеть, добавили таинственных полутеней кустам и деревьям на обочинах. Красное солнце лениво сползло за горизонт. Рихард Шрайнер смотрел в окно, Таня сидела за рулем. Оба молчали.

Нельзя сказать, что между ними установились доверительные отношения. Точнее сказать, никаких отношений у них так и не возникло. Рихард рассчитывал на большее – исходя из сочувствия, проявленного к нему Таней на ступенях Московского Университета. Может быть, прав был куратор Шишкин? Ведь собирался же Шрайнер первоначально взять себе гида-парня. Надо было выбрать этого самого Диму, и все бы было прекрасно. Они бы уже вмазали по стаканчику, подружились и отправлялись бы сейчас куда-нибудь в злачное заведение...

Насчет «вмазать» дело обстояло хуже некуда. Последняя капля алкоголя упала в желудок Шрайнера еще во Франкфуртском аэропорту. В России он не выпил ни капли. Возможно, это было неплохо для его физического состояния – не пить хотя бы несколько дней в году. Но душа Шрайнера была измотана воздержанием. В настоящий момент она окончательно пришла в состояние невроза, брыкалась где-то в животе, вызывая спазмы, и раздраженно орала: «Скотина! Сколько это будет продолжаться?! Найдешь ты где-нибудь эту чертову алкогольную зону или нет?!»

Шрайнер специально ездил в Суздаль, чтобы попытаться найти таинственную алкогольную зону. В Москве он не смог сделать это – складывалось впечатление, что все москвичи пришли к повальной трезвости. Хорошо хоть сигаретами торговали, хотя цены на них были раз в десять больше, чем в Германии. На настойчивые вопросы Шрайнера Таня реагировала холодно. Сказала, что ни разу в жизни не брала в рот спиртных напитков, что это сейчас не распространено, что большинство людей не интересуется алкогольными зонами и даже не знает, где они расположены. Что и подтвердилось в ходе расспроса местных аборигенов – сплошь трезвых, деловитых, вежливых и улыбчивых.

Шрайнер очень рассчитывал на Суздаль. В этот городок иностранцев возили толпами, уж для них-то можно было сделать хоть маленькую алкогольную зоночку. Нет. Черт возьми, нет! На вопрос Шрайнера первый же экскурсовод гордо заявил, что Суздаль уже пять лет как стал полностью безалкогольным. И что особая божественная аура сего древнего места не должна искажаться оскверняющим влиянием винных паров.

В результате Шрайнер уныло бродил по Суздалью четыре часа в составе экскурсионной группы, осматривал православные храмы, которые до этого имел счастье лицезреть не раз, и ругался про себя самыми грязными словами. Вероятно, светлая аура Суздаля приобрела в это время несколько черных мазков, расплывчатых, как кляксы. Шрайнер был вне себя. Интересно, где проводила это время его провожатая Танечка? Шрайнер готов был поклясться, что она торчит в каком-нибудь из многочисленных отвратительно безалкогольных заведений, потягивает холодный сбитень, жует пирожок и безмозгло тарашится в телевизор. Они читают хоть что-нибудь сейчас, эти русские? Пока он наблюдал только то, что они смотрят свой любимый «Телерос» каждую свободную секунду. Что это – деградация на фоне кажущегося благополучия? Русские были спокойными, неагрессивными, доброжелательными, женщины на улицах – ослепительно красивыми, представители мужского пола от подростков до пенсионеров – все сплошь спортивными, энергичными и подтянутыми. Если бы Шрайнер не жил в России всего восемь лет назад, он поклялся бы, что русские были такими неестественно совершенными все-

гда – со времен Ивана Калиты. Но он еще не потерял память. Он помнил, каким рассадником болезни была эта страна. Помнил бездомных, роющихся в мусорных баках, пьяное отребье, шляющееся по улицам, парней с квадратными головами, контролирующих продажу наркотиков в подворотнях... За восемь лет нельзя было населить страну другими людьми. Значит, переделали тех, что были.

Как это удалось сделать?

Шрайнер терял время. Он ковылял по Суздалию, стараясь не отстать от группы, и натирал себе новые мозоли новыми ботинками. И это вместо того чтобы сидеть со старыми русскими друзьями, пить водку, закусывать, естественно, солеными огурцами, вспоминать прошлое, задавать вопросы о настоящем, мечтать о будущем... Эта страна уже пришла в свое будущее. Было ли оно настолько совершенным, что другого будущего быть уже не могло? Должно ли это будущее стать обязательной судьбой для всех остальных стран? Судя по разговору в МГУ – да.

Шрайнер был уверен, что большинство людей в мире с радостью согласились бы на такую жизнь. И человечество приобрело бы очень многое. Сказка воплотилась бы в быль. Рай на земле – что может быть лучше?

Но Шрайнеру не нравилось такое будущее. Не нравилась ему эта сытая самодостаточность. Не нравились телевизоры, подглядывающие в сортире. А больше всего не нравилась эмоциональная притупленность, ставшая новой чертой обитателей России. Трудно было представить, что незнакомый человек хлопнет его по плечу на улице или даст ему в морду в ресторане.

Все было слишком правильно.

– Таня, – сказал он. – Скажите, а кто такие чумники?

– Чумники?

Шрайнеру показалось, что Таня очнулась от сна, когда он задал свой вопрос. Повернулась к нему вполоборота, тонкие брови удивленно приподнялись, розовый язычок пробежал по губам. Она была красива, конечно. Мила и необычайно соблазнительна. И отделена защитным экраном от чуждого мира, представленного мрачным и убогим типом по фамилии Шрайнер.

– Да, чумники.

– Где вы слышали о чумниках, господин Шрайнер?

– Пожалуйста, не зовите меня господин Шрайнер! – произнес Шрайнер в десятый раз за сегодняшний день, уже даже не раздражаясь. – Я Рихард, просто Рихард! Танечка, я слышал о чумниках уже не раз – от таможенника, от продавщицы. Кто такие чумники?

– Хорошо... Рихард, – неожиданно согласилась Таня. – И что вам сказали о чумниках?

– Чумники опасны. Они – преступники, они не подчиняются вашим законам и их не удается перевоспитать. Их изолируют от вашего неагрессивного общества, но некоторым из них удается сбежать и они превращаются в «диких чумников»...

– Господи, какая глупость! – Таня засмеялась, ее переливчатый хрустальный смех прозвучал в полумраке салона странным диссонансом. – Вы хотите знать, что такое «чумники»? Так вот, я скажу вам: «чумники» – это всего лишь жаргонное словечко. Оно сохранилось со времен эпидемии якутской лихорадки. Тогда погибли десятки тысяч людей.

– Я знаю. Я был в России в это время.

– Народ называл якутскую лихорадку «чумой», хотя между двумя этими заболеваниями нет ничего общего. Как вы знаете, с эпидемией быстро справились. Было вакцинировано все население страны. С тех пор случаи якутской лихорадки почти не возобновлялись.

– Почти?

– Почти. Каждый год в России умирает от этого заболевания от пятидесяти до ста человек. В масштабах страны это немного, но это говорит о том, что опасность распространения

эпидемии еще существует. Есть скрытые носители инфекции. Их и называют иногда «чумниками».

– А как же вакцинация?

– Вакцинация проводится всем. Но около десяти процентов населения остаются неиммунными. Вы знаете, что это значит? У них нет признаков заболевания, но они являются носителями вируса якутской лихорадки. Вирус постоянно живет в их организмах, они могут быть источником заражения. Поэтому наше государство вынуждено изолировать неиммунных – они живут в нескольких городах, доступ в которые закрыт. Это неприятный факт для нас – мы предпочли бы, чтобы любой российский гражданин мог передвигаться свободно. Однако опасность слишком велика. Неиммунные живут точно так же как все остальные люди. Они обеспечены всеми благами, они работают, рожают детей. Но они живут отдельно. Вот и все! Я думаю, через несколько лет эта проблема будет окончательно решена. Будет создана новая вакцина, якутская лихорадка исчезнет полностью, и не останется даже воспоминаний о «чумниках».

– Но я слышал, что чумники агрессивны, что они потенциальные преступники! Может быть, это побочный эффект их вирусоносительства?

– Дикая и невежественная глупость! – фыркнула Таня. – Поверьте мне, чумники – обычные люди. Они ничем не отличаются от остальных, только носят в себе вирус. И все же это глупое поверие распространено в нашей стране. Кое-кто валит на чумников все наши проблемы.

– У вас есть проблемы? – изумился Шрайнер. – У меня сложилось впечатление, что жизнь в России идеальна – хоть икону с вас пиши.

– У нас много проблем, – серьезно сказала Таня. – Не думайте, что мы – бесчувственные роботы, живущие на всем готовом и боготворящие свои телевизоры. Вы должны увидеть русских непредвзятым взглядом, попробовать жить нашей жизнью, чтобы понять нас. Россия – очень специфическое блюдо, Рихард, его не так-то просто переварить. Большинство иностранцев, попавших к нам, в первые дни чувствуют себя отвратительно. Я понимаю их. Когда я в первый раз приехала в Германию, тоже чувствовала себя ужасно. Вы не поверите, я сутки просидела в своем номере и боялась выходить. А когда ко мне на улице подошел красивый парень и спросил, как пройти на Кайзер-штрассе, я чуть не описалась от страха. Я решила, что он хочет заразить меня СПИДом!

На этот раз Шрайнер и Таня засмеялись вместе.

– Мне нравятся немцы, – сказала Таня. – Я люблю Берлин и Дрезден. Только... Я все равно немножко боюсь вас. Вас есть за что бояться. А вот русских – не за что. Безопаснее страны, чем Россия, не существует. Я понимаю, что с вашей точки зрения мы немножко странные. Вы у меня уже пятый немец – у нас бывает много гостей из Германии, и мне часто приходится работать гидом. Некоторые из немцев, которые ездили со мной вот в этом же эмобиле, смотрели на меня, как на некий доступный объект, не имеющий права на собственное мнение. Они обижались, когда я не хотела разыскивать вместе с ними алкогольную зону. Они были уверены, что я просто глупая девочка, лишенная человеческих чувств, но с хорошей попкой... Мне нравится, что вы не такой, Рихард.

– Я не такой, – соврал Шрайнер. Уши его слегка покраснели.

– У меня были проблемы с одним немцем, – призналась Таня. – Его звали Курт, и он твердо решил затащить меня в постель. Он приставал ко мне, даже предлагал мне деньги. Но была одна проблема – он мне не нравился, был совершенно не в моем вкусе. В бассейне он почти стащил с меня трусики... Он пользовался тем, что я не могла врезать ему как следует. Вы знаете – у нас с этим просто: если я говорю «нет», это означает просто «нет», и ни в коем случае – «да, но с определенными условиями». Этот Курт был таким огромным и агрессивным... Но, конечно, своего он не добился. И знаете, что он сделал?

– Что?

– Пошел в деканат и настучал на меня. Вы знаете, что значит слово «настучать», Рихард?

– Знаю.

– Он заявил, что я постоянно пыталась его трах... Простите. – Таня порозовела. – В общем, наговорил обо мне кучу гадостей. Мне пришлось пройти дополнительное психотестирование.

– И что?

– Тестирование показало, что Курт врал. Я думаю, что никто в деканате в этом и не сомневался. Русские не имеют привычки врать. Если бы я спала с ним, то я сама бы об этом сказала. Никакого криминала в этом нет – это моя личная жизнь, и никто не вправе в нее вмешиваться. Но все равно мне было неприятно.

– Танечка... – Шрайнер собирался с мыслями, запутался уже в собственных мыслях, и все же выдал из себя наболевший вопрос. – Танечка, вы такая же, как все остальные русские? Вы не чувствуете своей отличности от других?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.